

Татьяна Юрьевна Степанова

Дамоклов меч над звездным тронem

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134470

Степанова Т. Дамоклов меч над звездным тронem: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-14765-9

Аннотация

Визитная карточка этого серийного убийцы – металлический жетон с выбитыми на нем цифрами. Он прикрепляет его к телам своих жертв: шестипалой сутенерши, владельца зооцирка, хладнокровно уничтожившего своих «артистов», врача, тайно торговавшего трупами... Начальник убойного отдела Никита Колосов и сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская пытаются создать психологический портрет маньяка... Новое преступление ставит их в тупик: убит популярный певец Кирилл Боков, восходящая поп -звезда. И снова пресловутый жетон на запястье жертвы... Косвенные улики так или иначе связаны с частным теплоходом, прибывшим из Питера в Москву. На теплоходе – два знаменитых в прошлом рок-певца с друзьями и близкими. По странному стечению обстоятельств муж Кати – Вадим Кривченко – становится телохранителем одного из рокеров...

Содержание

ГЛАВА 1.	4
ГЛАВА 2.	13
ГЛАВА 3.	15
ГЛАВА 4.	23
ГЛАВА 5.	26
ГЛАВА 6.	29
ГЛАВА 7.	32
ГЛАВА 8.	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна СТЕПАНОВА ДАМОКЛОВ МЕЧ НАД ЗВЕЗДНЫМ ТРОНОМ

ГЛАВА 1. НОЧНАЯ ПЬЕСА

Дело было в Санкт-Петербурге и Вадим Кравченко сказал:

– А я доволен. Я очень доволен. И вообще мне в жизни не много надо. Но только того, что я сам лично хочу.

– Минимализм – это уже не модно, Вадик, – вздохнул Сергей Мещерский.

– А мне плевать. Я не прав, мой зайчик?

Зайчик – Катя Петровская по мужу Кравченко не вмешивалась в беседу уже четверть часа. Сил не было, просто никаких не было сил! Они сидели за столиком в баре. Бар назывался, кажется, «Борсалино». Кажется, а может, и нет. Вроде при гостинице «Англетер», которая когда-то была очень и очень знаменита, а потом сплыла, войдя после реконструкции в шикарный комплекс отеля «Астория». В этом отеле они и забронировали номера – решили на этот раз встретить Новый год в Северной Пальмире с максимальным европейским комфортом.

И встретили. Ночь с ее огнями, фейерверком над Невой, шампанским у сфинксов и нескончаемой канонадой китайской пиротехники была позади. На дворе стоял первый день нового года, да и он уже сильно клонился к закату. Город спал посленовогодним младенческим сном. Улицы и проспекты были пусты и засыпаны снегом. Сказка была вокруг – белая сонная сказка.

В отеле – в шикарных холлах, на лестницах и на этажах – царила благопристойная тишина. Такая тишина бывает только 1 января, вечером, сотканным из мглистых балтийских сумерек.

– Минимализм – это не модно, – повторил Сергей Мещерский и отпил ха-ароший глоток шотландского виски. – И, между прочим, Вадик, ты и так от жизни получил все самое лучшее.

– Например? – спросил Кравченко.

– Например, жену. – Мещерский посмотрел на Катю. Взгляд был лучезарный, уплывающий в шотландское далеко – к манящей хрустальными огнями барной стойке.

– Ну а ты что скажешь, мой зайчик? – Кравченко обернулся к Кате.

– Хорошие вы оба уже, – пискнул осипшим голосом «зайчик». – Мальчики, милые, пора закругляться, а?

– Пора, – маленький, пунцовый от виски Мещерский хлопнул ладонью по столу. – Желание женщины – закон. Еще три минуты празднуем здесь, и я везу вас в Петергоф. Я обещал.

Собственно, в этот чудный град Петров, в эту вселенскую студеную колыбель пригласил их именно Мещерский. С Питером у него всегда были крепкие связи – и делами, и друзьями, и неизбежной духовной жадью. Катя давно заметила за Мещерским странную особенность. Он всегда говорил, что не выносит Питер, но если не приезжал туда в течение трех-четырех месяцев кряду, хандрил и заболел. В Питере он так же хандрил, звонил и на словах вроде бы рвался домой – в Москву. Но приезжал всегда переполненный впечатлениями – поздоровевший, повеселевший и самое главное – повзрослевший.

Им с Кравченко уже пора было взрослеть...

Посетителей в баре было мало. Бар при гостинице «Англетер», «абсорбированной» «Асторией», располагал к уюту, большим денежным тратам и неспешной беседе. От «Англетера» же остался только зыбкий миф о том, что там некогда свел счеты с жизнью Поэт с большой буквы. В стенах отеля этим, как и многим другим, явно гордились. Слава эта, по мнению Кати, была мрачной, но она завораживала сердце. Катя ловила себя на том, что она даже у себя в номере слишком уж пристально всматривается в шелковые бежевые обои, точно в экран. И машинально то гасит, то снова зажигает белую мраморную лампу. Вот гаснет лампа, и на фоне Исаакия за окном является тень, силуэт...

Но призрака Поэта Катя так и не устерегла. Она призналась Сергею Мещерскому после третьего бокала шампанского и под большим секретом, что на самом деле она и не хочет видеть призрак здесь, в таком роскошном, таком знаменитом, таком благопристойном евро-отеле. Однако «Англетер» – даже разрушенный и реконструированный, поглощенный, перестроенный – есть «Англетер». И не узрев здесь поэта мертвого, Катя неожиданно для себя увидела поэта живого.

– Оба-на, гляньте, кто заглянул к нам на огонек, – тихонько свистнул Кравченко.

Катя оглянулась. У барной стойки, тяжело опираясь на нее всем корпусом, стоял человек. Вот он повернул голову – темные волосы, помятое лицо. Дорогой костюм сидел на нем мешковато, ворот белой рубашки был расстегнут. Катя, еще не совсем понимая, кто перед ней, подумала: «Нет, строгие деловые костюмы он носить не привык. Ему гораздо комфортнее в толстовке, в кожаной куртке, черной рокерской майке». Человек достал из кармана пиджака круглые очки и нацепил их каким-то старомодным профессорским жестом – точно пенсне.

Катя узнала Ждановича – живого Алексея Ждановича, которого прежде видела на обложках компакт-дисков с его песнями, на фотографиях и очень, очень, очень редко в последние годы по телевизору.

Жданович наклонился к бармену, и стало ясно: он пьян. И тут в зал вошли новые посетители. Это была целая компания, если не сказать толпа. Сначала явно охрана – трое крепких, как грецкие орехи, молодых людей, три совсем юные очень худенькие, очень модные девушки – блондинка, брюнетка и рыженькая и невысокий блондин, похожий на упругий мячик, затянутый, как в колет, в разноцветную кожаную куртку, расшитую стразами.

В плотном кольце охраны блондин с тремя веселыми спутницами проследовал в соседний зал – было видно, что люди явно с дороги, собрались отдохнуть, расслабиться после бурной клубной новогодней ночи в тесном кругу.

– Кто это? – спросила Катя. – Какое знакомое лицо.

– Понятия не имею. – Мещерский все еще был поглощен Ждановичем у стойки бара.

– Темные вы люди, – хмыкнул Кравченко. – Это ж Боков! Кирюша Боков. «Ты моя любовь, я твоя любовь» – это ж он поет. По всем попсовым радиостанциям сейчас крутят. Хит хитов. Ничего, тепленький такой музон. И еще это – «Мы с тобой друг друга полюбили, а потом пришла зима» – босс мой Чугунов очень эту песню одобряет. И потом «Девочка моя – тра-ля-ля-ля, я тебя хочу – тра-ля-ля-ля» – неужели не слышали? А у меня аж в ушах эти песенки бренчат. Босс мой, Чугунов, когда в машине едем, очень стерео послушать уважает – эстраду, Губина там, «Фабрику» в полном составе, Долину, «Виагру» и, конечно, Бокова. Куда ж сейчас без Бокова.

Катя с любопытством вытянула шею – нет, не разглядеть ей эстрадную знаменитость в соседнем зале. Мелькнул Боков как райская, разноцветная птица-попугай, и – ариведерчи.

– Попросить, что ли, для босса автограф? – Кравченко сощурился. – А может, вон у того попросить? Э, да он уже не кондишн. 1 января – что вы хотите?

– О Ждановиче давно ничего не было слышно в Москве, – Мещерский перешел на шепот, хотя до стойки было далеко. – Что, он из Питера никуда не выезжает, что ли? Ни гастролей его, ни концертов.

– А помнишь как мы на него в «Горбушку» с пацанами прорывались? – спросил Кравченко.

– Это на втором-то курсе? – Мещерский оживился. – Там потом еще драка была у метро. Давно это было, Вадик – миллион лет до нашей эры... Р-рок, р-ок-н-ролл... Как-то все это ушло, сгинуло.

Катя смотрела на его бокал с шотландским виски. В знаменитой «Горбушке» она не была ни разу в жизни, ни на одном рок-концерте. Хорошо это было или дурно – об этом она уже не задумывалась. Не жалела. Но Жданович... Она знала его, конечно же, она знала его. Его голос – с кассет, с компакт-дисков. Его песни, его стихи... Нет, в «Англетере», даже абсорбированном, не стоило удивляться такой встрече. Катя поднялась из-за стола.

– Ты куда? – удивился Кравченко.

– Пойду попрошу автограф у Ждановича.

Но она не успела. Жданович вдруг резко обеими руками оттолкнулся от мореного дуба стойки, развернулся на сто восемьдесят градусов и решительным нетвердым шагом взял курс в соседний зал.

Мгновения тишины. Потом шум, возникший сразу из ниоткуда. Громкие мужские голоса. Грохот опрокинутых стульев. Мат – как из пушки.

Явились гостиничные секьюрити – мощные, корректные. Скандал – а это был уже действительно грандиозный скандалище – выплеснулся из соседнего зала. Катя увидела Бокова, окруженного испуганными девицами. Двое его собственных охранников пытались отсечь от него взъерошенного Ждановича. Тот насккивал на Бокова, как петух, что-то хрипло гневно выкрикивая. Всю эту компанию секьюрити отеля вежливо, но неуклонно теснили к выходу из бара:

– Господа, пожалуйста, успокойтесь. Тише, господа! Не здесь, только не здесь! Пожалуйста, покиньте помещение!

– Дерьмо! – хрипло кричал Жданович, вырываясь из рук охраны. – Дерьмо! Ненавижу!

– Сам дерьмо! Оставьте нас – я сам сейчас с ним разберусь! – Боков подпрыгивал, как мячик, на одном месте и норовил съездить Ждановича пухлым кулаком.

Потасовка, точно пробка, застряла в дверях бара, но потом мощными усилиями гостиничных охранников была выдворена за дверь – на снег, на мороз.

Кравченко (Катя не успела удержать его), не мешкая ни секунды, ринулся следом. Катя, бросив Мещерского расплачиваться с барменом, набросила шубу, схватила в охапку дубленку мужа и выскочила на улицу.

Гостиничная охрана уже благоразумно покинула поле битвы, но потасовка не утихла. Снег хрустел под ногами, глаза слепили огни рекламы. Катя увидела Ждановича – лицо его было разбито в кровь, очки отсутствовали. Он яростно рвался из рук удерживавшего его здоровяка Кравченко. По сравнению с ним он казался шуплым, как мальчишка, но бешенство утраивало его силы. Двое охранников отгораживали от него Кирилла Бокова, ухоженное лицо которого искажала гримаса гнева и презрения.

– Вон из моего родного города! – кричал Жданович.

– Это из Уржума, что ли? – ядовито парировал Боков.

– Вон из Питера, сволочь!

– Да пошел ты!

– Фонограммщик!

– Алкаш! Пьяная морда!

В эту минуту у отеля остановился, взвизгнув тормозами, черный джип. Сидевшие в нем двое мужчин и две девушки, увидев происходящее на тротуаре, видимо, с ходу решили вмешаться. Конфликт уже перехлестывал через край. На пороге парадного подъезда тревожно маячил швейцар – вот-вот могла появиться и милиция.

Двое мужчин из джипа быстро приблизились к Ждановичу и Кравченко. Один из них был совсем молодой парень с длинными мелированными волосами. Второй – гораздо старше – среднего роста, худой, широкоплечий. Лицо его в неверных сполохах рекламы показалось Кате смутно знакомым.

– Что тут творится? Что за базар? – крикнул он. – Леха, остынь!

– Сука! – взвизгнул из-за спин охранников Боков. – Совсем уже... Суки!

– Да я тебя сейчас. – Жданович дернулся из железных лап Кравченко. – Пусти! Да пусти ты меня, парень!

Но Кравченко не отпускал его, обернулся к человеку из джипа. Катя поняла, что ему этот человек хорошо, очень хорошо известен.

– Давайте, сажайте Леху в мою машину, – скомандовал тот. – Вы что из охраны гостиницы?

– Нет. Но я по профессии личник, – ответил Кравченко, легко приподнял упирающегося Ждановича и потащил его к джипу.

Паренек с мелированными волосами распахнул дверь, и Ждановича, как Жихарку в печку, затолкали на заднее сиденье. В этот момент охрана усадила Кирилла Бокова и троих его спутниц в подогнанный серебристый «Мерседес». И все рассосалось. Рядом с Катей остались лишь девушки, что приехали в джипе, да их старший спутник.

– Они что, в баре, что ли, пересеклись? – спросил он.

– Да. Мы в соседнем зале были, слышали шум ссоры. Мой муж вмешался, попытался разнять их, – Катя отвечала за всех, потому что человек из джипа обращался к ней.

– Милое дело. А где же его очки?

– Я не знаю, – Катя растерянно посмотрела себе под ноги.

– Вот они, – парень с мелированными волосами поднял втоптанные в снег очки Ждановича. – Смотри-ка, целые, только оправа погнута.

– Саньч, ты иди, я его сам отвезу, – сказал ему его старший спутник. – Ладно, отпраздновали. Всех с Новым годом.

– С новым счастьем, – откликнулась Катя.

Джип растворился во тьме набережной Мойки.

– Тебе-то, сокровище мое, хоть не навесили фонарей? – заботливо спросила Катя Кравченко.

– Мне? Кто? – он глянул на нее, как орел, сверху вниз.

– Кто же это был, интересно?

– А ты его разве не узнала?

– Нет. А ты узнал?

– Это Виктор Долгушин.

– Какой еще Долгушин?

– Какой Долгушин? – Кравченко наклонился к Кате. – Да тот самый. Неужели и «Крейсер Белугин» совсем не помнишь?

Катя не знала что сказать. Некогда «Крейсер Белугин» был знаменитой на всю страну рок-группой, легендарной рок-группой, песни которой, казалось, витали в самом воздухе в смутные годы начала девяностых. Но лучшие песни «Крейсера» давно уже были спеты, а новых не родилось – рок-группа распалась лет семь-восемь назад.

– Как он изменился, – Катя покачала головой. – Боже, надо же... Девчонок с собой возит, парня какого-то... Но, видно, со Ждановичем они – друзья. Кстати, а ты понял, из-за чего драка началась?

– А чего ж тут непонятного? Жданович давно с попсой воюет, это всем известно, – Кравченко хмыкнул. – Очаровашку Бокова терпеть ненавидит, он для него как красная тряпка для быка. Питер – считает своим, кондовым. А Боков, видно, сюда приехал на все праздники концерты в клубах давать. Ну, отсюда все и вытекает.

– А при чем тут какой-то Уржум?

– Жданович сам родом из Уржума, – Кравченко обнял Катю за плечи. – А вон и наш Серега. Ну, ты вовремя, как всегда.

– Я из вестибюля все видел. Ты и без меня тут справился отлично, – Мещерский, поднявшись на цыпочки, хлопнул друга по плечу, – Ох и медведь ты, Вадик. Ну что, мы сегодня в Петергоф попадаем или не попадаем? Я радиотакси вызвал.

– Конечно, попадаем, раз ты этого так хочешь, – покорно ответила Катя. Она смотрела через голову Мещерского на освещенный подъезд «Астории». Только что туда, небрежно кивнув строгому швейцару, вошел тот самый паренек с мелированными волосами – Саныч. Он не уехал вместе с остальными на джипе.

Его линялые джинсы и выдавшая виды куртка резко контрастировали с шикарным имиджем «Астории». Катя еще подумала: каким это ветром заносит этого мальчишку в недра роскошного пятизвездочного отеля – неужели попутным? Но Саныч скрылся за сияющими дверями, и Катя почти сразу о нем забыла.

Если бы не целый ряд последующих странных и ужасных событий, она бы, наверное, так никогда и не узнала бы, что Саныча по паспорту зовут Петром Сухим, что в свои двадцать шесть он выглядит на двадцать, что успел он уже поучиться в трех весьма престижных коммерческих вузах столицы и ни в одном не продвинулся далее третьего семестра, что он любит музыку от классики до рока, но абсолютно лишен голоса и слуха. Что, наконец, он единственный сын и наследник Александра Кузьмича Сухого – весьма известного и уважаемого в Москве бизнесмена, основателя инвестиционно-страховой компании, похоронившего свою жену и спустя всего три месяца после похорон женившегося на своей давней любовнице – Алене Леонидовне Куницыной.

Катя вместе с Кравченко и Мещерским ехала в Петергоф. А Саныч после коротких переговоров с дежурившим за стойкой портье пересек обширный холл и на лифте поднялся на третий этаж.

Его отец и мачеха Алена Леонидовна прилетели в Петербург из Москвы два дня назад и сняли в «Астории» двухкомнатный люкс. Саныч громко постучал в дверь номера. Услышал голос отца «войдите» и вошел.

В номере ярко горели все лампы. Работал телевизор. Александр Кузьмич и Алена Леонидовна отдыхали после бессонной ночи.

– А, Петруша пришел, – Александр Кузьмич поднялся с павловского дивана карельской березы. Выглядел он на все свои пятьдесят пять лет – невысокий, полный, лысоватый, хорошо ухоженный мужчина. Строгий, старающийся казаться ласковым взгляд сквозь очки – на сына, застывшего в дверях как статуя.

Алена Леонидовна изящно раскинулась в кресле. В сторону Саныча она и головы не повернула. Алена Леонидовна была холеной, интеллигентной тридцатисемилетней брюнеткой. Фигура у нее была почти идеальной, однако сама Алена Леонидовна так не считала. Настоячиво, почти маниакально стремилась она к дальнейшему совершенству. За Александра Кузьмича она вышла по любви, по привычке и по расчету – все одновременно, вышла после почти трехлетнего романа, начавшегося еще при жизни ныне покойной жены его.

Жена Александра Кузьмича болела раком, перенесла три тяжелых операции на кишечнике и в конце концов скончалась.

Александр Кузьмич внешне бесконечно переживал эту потерю, однако очень скоро вступил в новый брак, чем основательно разрушил свои и до того очень непростые отношения с сыном Петрушей – Санычем.

В новом году это была первая их встреча после почти месячной разлуки.

– Я думал, Петруша, ты позвонишь нам ночью, поздравишь, – с натянутой приветливостью сказал Александр Кузьмич. – Мы ждали. Что же ты стоишь? Проходи, садись.

Саныч отлепился от дверного косяка и, как был, не раздеваясь, во влажной от снега куртке, прошелся по люксу, разглядывая антикварную мебель, шелковые обои, ковры, картины, лампы.

– Нехилое гнездышко, – он оглянулся через плечо на отца. – Как раз для медового месяца.

– Мы думали, ты позвонишь, поздравишь нас, – голос Александра Кузьмича дрогнул. – Твой мобильник был отключен. А я звонил тебе. Мы ждали. Я ждал.

– Я поздравляю тебя с Новым годом, дорогая матушка, – Саныч гибко склонился перед отцом в шутовском поклоне.

– Здесь не народный театр, Петруша. А я тебе – отец.

– Нет, моя матушка, – Саныч прозрачными, как льдинки глазами датского принца сверлил отца, – Нет. Отец и мать – муж и жена, муж и жена – единая плоть, а поэтому...

– Твоя мать умерла, – сказал Александр Кузьмич.

– Помню. Ты вот, кажется, успел уже позабыть.

– Петруша, это ты так пришел поздравить нас с праздником? – спросила Алена Леонидовна. – Можешь больше не стараться. Нам с твоим отцом все ясно. Нам уже больно.

– Я не с вами разговариваю, – Саныч упорно избегал встречаться с мачехой взглядом.

– Ну что ты беснуешься? Что ты изводишь нас и себя? – Александр Кузьмич взорвался. – Неужели даже в такой день мы не заслужили от тебя благодарности? Что с тобой случилось? Откуда в тебе столько жестокости? И, главное, к кому? К самым близким тебе людям!

– Ты очень изменился, Петруша, – сказала Алена Леонидовна.

– А это не вам судить. Я не ваш любовник, – Саныч по-прежнему смотрел только на отца.

– Оскорблять Алену я тебе не позволю, – Александр Кузьмич покраснел. – Щенок, мальчишка неблагодарный. Извинись сию же минуту!

– Саша, оставь, не надо, – Алена Леонидовна встала с кресла и, зябко кутаясь в шелковый пеньюар, заскользила в спальню люкса – Мне не надо от него никаких извинений.

– Ты слышал, что я сказал? – Александр Кузьмич повысил голос. – Или ты сейчас же попросишь прощения, или же...

– Ну, что или? – Саныч подошел к отцу вплотную – тот доходил ему до плеча, – Или что будет с тобой и со мной?

Александр Кузьмич тяжело дышал, молчал.

– С Новым годом, дорогая матушка, – Саныч покинул отцовский номер, громко хлопнув дверью.

Звякнули хрустальные подвески гостиничной люстры. Александр Кузьмич опустился на диван. Он массировал ладонью грудь с левой стороны.

Сердце – умирающий барабанщик. Сердце стучало, светофоры мигали. Алексею Ждановичу было тошно, а джип все ехал, мчался вперед – Синий мост, Гороховая улица, Невский проспект. Светофоры мигали – желтый, желтый, зеленый.

Рядом со Ждановичем на заднем сиденье были девушки, Варвара и Лиля. Лилия достала из кармана меховой куртки-парки бумажный платок:

– У тебя из носа кровь течет. На, возьми.

Жданович скомкал платок. Девушки, девушки Варвара и Лилия... Они были существами иного мира. Витька Долгушин и он, Жданович, были намного старше их. Но в принципе это ничего не меняло, не убавляло и не прибавляло.

– Выискался еще Дон Кихот, – хмыкнул Долгушин – он сидел за рулем джипа. И резко прибавил газа.

Светофоры вспыхивали, гасли, разрешая, запрещая. Джип остановился на перекрестке. У автобусной остановки, почти вровень с машиной громоздился огромный снежный сугроб – где-то впереди урчала снегоуборочная машина. За сугробом в желтом мертвенном свете фонарей Жданович увидел темную фигуру. Он сразу узнал его. Он уже видел его не раз. Сердце ударило барабанными палочками в грудную клетку и замерло в испуге.

Из выюжной ночи, замешанной на желтках фонарей, на Ждановича смотрел он – темное лицо, прекрасное и страшное, исполненное ожидания и превосходства. За спиной у него – и это было несомненно – как у ночной птицы, были сложены крылья из длинных, шелковых, угольных перьев. Крылья эти не знали усталости. Они могли унести их обладателя и его парализованную ужасом жертву далеко – за облака. Жданович хрипло застонал и подался вперед. Сердце в груди налилось тупой ноющей тяжестью.

Тот, ночной, молчаливый, прекрасный смотрел на него, ждал. Тяжесть в груди прорвалась острой болью. Жданович начал сползать с сиденья на пол. Он слышал, как закричали Варвара и Лилия, как хлопнула дверь джипа. Потом в глазах стало темно. Но и сквозь темноту он чувствовал его взгляд. Знал: он улыбается, прекрасный, вечный. И ждет.

Сильные руки приподняли, удерживая здесь, на заднем сиденье джипа – Жданович ощутил вкус нитроглицерина во рту. Боль в груди стихала, откатывала волной.

– Леха, ты как? В порядке? Сейчас в больницу поедem, потерпи немного. Сейчас, ты только держись, – к Ждановичу склонился Виктор Долгушин.

– Витька... а где... он?

– Кто он? – удивленно спросил Долгушин. – Мы на Суворовском стоим.

– Он... Да вот же он! – Жданович снова увидел его в свете фонарей.

– Кто? О ком ты говоришь?

– Князь... Ангел, блин, черный ангел. Он тут, прямо за твоей спиной!

– Да это рекламный щит, ты что? – Долгушин обернулся через плечо. – Щит рекламный возле остановки. Написано: «мужской аромат Йоджи Ямамото» и пацан какой-то намалеван. Эх, Леха, даешь ты... Сейчас в больницу поедem. У тебя сердце ни к черту, дурак.

В груди отпустило. В глазах прояснилось. За сугробом, где урчала снегоуборочная машина, действительно стойко сопротивлялся выюге темно-синий рекламный щит «Йоджи Ямамото» – новый мужской парфюм. Но глаза прекрасного, как темный ангел рекламиста были точно его глазами. Жданович отвернулся. Он хотел жить. Хотел в больницу под капельницу. Он боялся самого себя этой ночью. Эти глаза, что являлись ему теперь так часто, могли наделать непоправимой беды.

– И все же весь этот парадиз действует на меня как-то чудно, – изрек Вадик Кравченко, когда желтое такси мчало их по Адмиралтейской набережной. – Грустно как-то, не по кайфу, хотя и очень красиво.

– Там на той стороне университет? – спросила Катя таксиста.

– Кунсткамера, – за таксиста ответил Мещерский. – Помню еще в пятом классе повезли нас в Ленинград на экскурсию. Куда только не водили нас, а вот кунсткамеру учителя посещать запретили строго-настрого. Но мы с пацанами все равно рванули туда, просочились. Я

там чуть в обморок не грохнулся, когда двухголового теленка увидел и этих заспиртованных уродцев в банках.

Катя оглянулась – в этом городе в первый день Нового года может случиться все, что угодно: например, призрак поэта постучит в двери вашего номера или медный всадник неуклюже прогарцует мимо вас по встречной полосе.

– Что за радость была Петру собирать эту коллекцию уродов? – спросила она.

– Модно было. Необычно, эпатажно, ужасно, устрашающе, – Мещерский пожал плечами. – Уродство – вещь редкая. Красота встречается чаще, а уродство часто уникально, поэтому и вызывает к себе нездоровое любопытство. А некоторых просто завораживает. Но таких мало. Они сами по себе уникамы.

В Петергофе было градусов на пять холоднее. Вьюжило, с Финского залива дул ветер. Они никогда бы не попали на территорию парка в такой поздний час, если бы не приятели Мещерского из числа сотрудников музея. Хмельные по поводу Нового года и длинных праздников приятели не спали уже вторую ночь. Все как-то быстро перезнакомились и породнились. Пили шампанское – за удачу в новом году, за дружбу, за любовь, увязали в снегу, барахтались в сугробах. В темноте при зажженных карманных фонарях и бенгальских огнях путешествовали по парку.

На расчищенной от снега площадке у Монплезира смотрели на залив, на темную громаду Большого дворца.

– О чем ты думаешь? – спросила Катя Кравченко.

Она заметила: после происшествия в баре был он немногословен.

– Так, вот думаю, сколько, оказывается, времени утекло. – Он повернулся, загораживая Катю от ветра.

– С каких же это пор? – Катя прижалась к нему.

– Ну так, вообще. Жданович... я его записи, по-моему, класса с восьмого крутил. И «Крейсер» долгушинский... Сколько с их песнями связано воспоминаний.

– Например, самая первая в жизни сигарета, да? Бычок?

– Ну, это «скорпы», «Скорпионс», – Кравченко обнял Катю. – Какой вот только это класс был пятый, шестой? Потом мопед, потом мотоцикл мне отец подарил. Я тут же седло раскурочил, приподнял. Под байкера косил, конечно, страшно. Это Оззи Осборн и опять «скорпы»... «Алиса», Кинчев.

– А первая девочка? – спросила Катя.

– Это «Наutilus». «Казанова, Казанова, ты моя женщина. Я твой мужчина», – спел Кравченко басом. – Класс этак девятый.

– Не ври безбожно.

– Я вру? Ладно, Казанова и попозже мог быть.

– Приятно все это вспоминать?

– Щекотно. И грустно как-то. Посмотрел я на них сегодня – на Ждановича, на Долгушина и... Вот ведь были люди. Кумиры. Мои, личные, не чьи-нибудь.

– Разве они умерли? – спросила Катя. – Они живы.

– О чем разговор? – Мещерский подкрался к ним с открытой бутылкой шампанского. Пластиковый стаканчик у него был только один (остальные затерялись в сугробе). – Это для Кати. Катюша, за тебя! За то, что освещаешь мне... нам, конечно же, нам... это вот все, – он повел рукой. – Вообще вы для меня – Катя, Вадик... все, понимаете? Пустота была бы кругом – холод, запустение без вас. Без тебя, Катюша. Я вообще давно собирался это вам обоим сказать, но...

– Эх, Серега, – Кравченко хлопнул его по плечу. – Жизнь – хорошая штука. Ну, признайся, хорошая, а?

– Ага, – Мещерский кивнул, преданно глядя на Катю. Поскользнулся и, если бы та его не удержала, шлепнулся бы от полноты чувств и шампанского в сугроб.

Ветер с залива дул все сильнее, но разогретые шампанским они уже не замечали холода. На Петергоф опустилась ночь.

В старом петровском парке было темно и снежно. Темен был Монплефир, темен Большой дворец и дворец Марли. За дворцом Марли узкая тропка, протоптанная среди сугробов, вела к берегу залива и дальше, дальше за ограду парка. Все это напоминало декорации к какой-то таинственной ночной пьесе.

У самого берега вода, как стеклом, была подернута льдом. И там, на льду что-то темнело. Что-то непонятное, бесформенное, уродливое.

Волны залива выбросили на берег мертвое окоченевшее тело.

Мертвеца обнаружили лишь утром – охрана парка наткнулась на него совершенно случайно во время обхода территории.

ГЛАВА 2. КУРГАН

Девять месяцев спустя

В начале сентября после сухой и ясной погоды в Подмоскovie зарядили проливные дожди. И стройка в поселке Октябрьский-Левобережный застопорилась. Прежде в Октябрьском-Левобережном была всего одна улица из двух десятков домов, где жили в основном рабочие Мосводоканала, обслуживающие фарватер и шлюзы на Москве-реке. Но земля начала дорожать, и в Октябрьском-Левобережном, хоть он и был не близко от столицы, вспыхнул, как и по всему Подмоскovie, строительный бум. Нашлось немало охотников поселиться в живописной зеленой зоне на берегу канала в нескольких километрах от водохранилища.

С самой весны в Октябрьском кипела масштабная стройка. Начали разбивать участки. Возникали новые улицы, вырастали как грибы коттеджи. С раннего утра и до глубокой ночи по бетонке вдоль канала громыхала строительная техника – экскаваторы, бетономешалки, грузовики с кирпичом, песком, щебнем и гравием.

Богдан Пробейголова ударно трудился в Октябрьском-Левобережном с марта. Сам он был уроженцем Полтавы, в свое время закончил строительное ПТУ, рано завел семью и вот уже который год ездил с родной Полтавщины на заработки в Россию.

Седьмой сезон работал он на столичных и областных стройках и многое успел пови-
дать, ко многому заставил себя привыкнуть. В Октябрьском-Левобережном Богдан Пробей-
голова и его бригада подрядились строить загородный дом владельцу стоматологической
клиники господину Лихитченко. В хозяине Пробейголова нутром чуял своего земляка и при
заключении договора найма считал, что уж с земляком-то, пусть и богатым, успешно укорен-
нившимся в Московии, он с хлопцами всегда договорится.

Но дело пришлось иметь все с какими-то представителями, менеджерами, секретарями. Сам хозяин все лето отдыхал за границей и ходом строительства, казалось, совершенно не интересовался. Вилла, судя по всему, строилась на продажу, как вложение капитала. А это значило, что стройка то пузырилась сумасшедшим авралом, то вдруг замирала в ожидании денег, подвоза цемента и приезда архитекторов.

А с начала сентября зарядили дожди. И все как-то замерло в воде и сырости. Сегодня, например, с раннего утра ждали песок, щебень и гравий. Берег канала был низкий, участок решили подсыпать.

Сам участок Богдану Пробейголове нравился. Что ж, хоть и далековато от их мос-
кальской столицы, зато тихо. Ширь кругом – леса, канал, водохранилище. Хочешь – в бас-
сейне собственном купайся, хочешь – в бухту иди, плавай, как простой. Загорай – хочешь на
лужайке под тентом, а хочешь – на берегу распластайся.

И лес к самому участку подступает. Экология вполне на уровне. В лесу, хлопцы бачили,
черника, малина, грибы. Ни свалок тебе, ни грязи.

Тихо кругом. Где-то сорока трещит. Дождь стучит по крыше рабочей временки. Девя-
тый уж час на дворе, а хлопцы, бригада, дрыхнут. Потоп – работать невозможно. Менеджер –
лодырь, даже позвонить не удосужился. Привезут сегодня песок и гравий, чи нэ привезут?

Богдан Пробейголова вскипятил на плитке чайник. Достал из кармана бушлата пачку
сдобного печенья. Он с детства любил сладкое. И хотя здесь, на заработках, на всем жестоко
экономил, отказывал себе во многом, сахар, печенье и дешевые конфеты покупал в посел-
ковом магазине обильно. Печенье хрустнуло на крепких зубах. Чайник свистел на плитке.

И тут привезли гравий – за воротами участка остановился самосвал. Шофер нетерпеливо посигналил. И Пробейголова, натянув бушлат на голову от дождя, пошел «отчинять» ворота.

– Здоровеньки булы, пан бригадир, – шофер самосвала был знакомый в доску – по фамилии Мотовилов. По-украински он знал только эту фразу и еще уверенно выговаривал слово «горилка».

– Там еще две машины следом за мной, – объявил он, высовываясь из кабины. – Да ребята, видно, у магазина стопорнули. А ничего вы тут устроились. Я позавчера вон в Сергеевку гравий возил, так там работяги только поворачиваться успевают – мокрые все, злые. Фирма, она баклуши бить не позволит. А у вас тут лафа. Рассчитываются-то хоть в срок?

– Рассчитываются, – Пробейголова указал место, куда следовало сгружать.

– Оно и ладно. Об остальном у вас и голова пусть не болит.

– У нас голова не болит, – Пробейголова угостил Мотовилова сигаретой. – Давай, друже, сваливай. Еще две машины, значит?

– Щас будут, не переживай. – Мотовилов затаился, швырнул окурочок и осторожно начал подавать самосвал в ворота задом.

Пробейголова командовал: «Давай, легонько, еще, давай, стоп!»

Самосвал остановился. Кузов его со скрежетом начал медленно подниматься. Лавина гравия ссыпалась.

– Стой, погоди! – крикнул вдруг Пробейголова.

Мотовилов высунулся из кабины:

– Ты чего, бригадир?

Пробейголова сделал какой-то странный резкий жест:

– Там, у тебя в кузове...

– Что у меня в кузове? – Мотовилов открыл дверь. – Ты чего так заорал-то?

Пробейголова смотрел на кучу гравия. Вид у него был такой, что Мотовилов не на шутку встревожился, спрыгнул с подножки в топкую грязь.

Дождь не прекращался. За забором начиналась темная стена леса. Дверь времянки открылась, и появились двое рабочих.

Пробейголова медленно подошел к куче гравия, нагнулся, напряженно всматриваясь.

– Там что-то есть, – сказал он хрипло. – Ты начал сгружать – посыпалось, и я видел.

– Что ты видел-то?

– Я видел, – Пробейголова начал руками разгребать гравий, потом схватил лопату. Подошли рабочие. Тоже взялись за лопаты, поднялись на кучу гравия, начали помогать бригадиру. Вдруг лопата одного на что-то наткнулась. С шуршанием посыпались мокрые камешки.

– Не может быть, – охнул Мотовилов.

Он и остальные увидели сначала клок рыжих, испачканных глиной волос, а затем и голову, шею, плечи, торс.

Это была женщина. Мертвая, голая, облепленная грязью. А куча гравия была ее могилой курганом.

ГЛАВА 3. ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Золотой осенью как-то совсем не думается о минувшей зиме. Позади лето, весна, впереди новая зима и до нее еще надо благополучно дожить. А о прошлогоднем снеге кто будет сожалеть, как о чем-то утраченном?

Новогодние каникулы в Санкт-Петербурге уже почти стерлись из памяти Кати – Екатерины Сергеевны Петровской, по мужу Кравченко. Если вы служите в таком нервном, чутко реагирующем на все криминальные происшествия месте как пресс-центр ГУВД Московской области, вам как криминальному обозревателю не до ностальгии о прошлом. Каждый день несет с собой новое, новое, новое. И от этого нового – сенсационного, из ряда вон выходящего, удивительного, ужасного, парадоксального – некуда скрыться, некуда спрятаться.

И страусу не уподобишься – вокруг ни оранжевого пляжного песочка, ни соломки, чтобы подселить абы где, одни острые камни, о которые при излишнем профессиональном рвении так можно шандарахнуть, что...

Одним словом – сейчас на дворе уже сентябрь.

Этим делом Катя заинтересовалась совершенно случайно. Только что она сдала в «Вестник Подмосковья» интервью начальника паспортно-визовой службы, и редактор «Вестника» попросил разбавить криминальную полосу очерком о раскрытии какого-нибудь очередного убийства.

– Чтобы живенько так было, живенько, – напутствовал редактор. – Чтобы у читателя мурашки по спине забегали. И чтобы с продолжением – в двух, трех частях. Субботняя полоса и следующая субботняя полоса. Интригующе так, увлекательно. Чтоб взбодрился читатель, вздрогнул. Чтоб у него, подлеца, лысина дыбом встала!

Катя направилась к своему начальнику за советом. Человек начальник был мудрый и опытный. Часто и весьма корректно он подсказывал Кате правильные пути поиска оригинального материала. Но на этот раз только развел руками:

– «Вестнику» все страшилки подавай. Ты, Екатерина, построже с ними будь, похитрее. Для нас интервью, где говорится о положительном опыте работы милиции гораздо важнее. Правда, и на голодном пайке «Вестник» по части сенсаций держать не следует. С точки зрения общей стратегии... Ладно, тут надо подумать. Кстати, ты о находке в Октябрьском-Левобережном в сводке читала?

– Читала. Женский труп неопознанный вроде бы, с признаками насильственной смерти, – без особого энтузиазма ответила Катя. – Все так скупо. Я не думаю, что...

– Ты с розыском в хороших отношениях, – сказал начальник. – Я бы порекомендовал обратиться за комментарием по этому случаю в отдел убийств.

Катя посмотрела на начальника – мудрый змий, он всегда умел вкладывать в слова «обратиться за комментарием» совершенно особый смысл.

Так и вышло, что события в Октябрьском-Левобережном мимо Кати не прошли. Следовало позвонить в обеденный перерыв начальнику отдела убийств Никите Колосову, с которым она не виделась и не разговаривала вот уже два месяца. Из-за пустячной ссоры.

Набрав знакомый номер до половины, Катя задумалась: вот надо же, и сора-то глупая, из-за ерунды, и все уже кажется таким несерьезным, а все же на душе кошки скребут. И ей приходится делать первый шаг к примирению. А в чем она, собственно, провинилась перед нашим Гениальным Сыщиком, красой и гордостью убийного отдела?

Подумаешь...

Да, Никита пригласил ее на свой день рождения. Ему исполнилось тридцать три, и этой дате он придавал особое значение. Да, он пригласил ее вместе с Серегой Мещерским. Да, она сначала согласилась – Серега ради друга хоть кого мог уговорить, а потом... Потом, в самый день рождения Катя позвонила Колосову, горячо, сердечно поздравила его и сказала, что, к сожалению, вечером она не придет... никак, увы, не сможет.

Муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «Драгоценным В.А.», не переваривавший по целому ряду причин Колосова давно и всерьез, сказал свое веское «нет», едва лишь Катя робко заикнулась о приглашении коллеги по службе.

В принципе ничего такого фатального в данной ситуации Катя не видела: мало ли что бывает, сказала «да», потом «нет», обстоятельства заставили. Но Никита Колосов воспринял все уж как-то слишком мелодраматично:

– Значит, не придешь? – спросил он.

Катя залепетала: «Нет, не смогу, Никита, ты понимаешь, я не...»

– Обойдусь. Горячий привет мужу, – и бросил трубку.

С того броска прошло два месяца. Они не только не разговаривали, но даже мельком не виделись в главке. Колосов мотался по районам. Последние сведения о нем у Кати через десятые руки были следующие: он лично участвовал в задержании двух солдат-дезертиров, сбежавших из части и расстрелявших из автомата патруль ДПС.

И вот приходилось самой делать шаг к примирению. Но что лукавить? В глубине души Катя была даже рада, что вот подвернулся какой-то там неопознанный труп в Октябрьском, в результате чего у нее появился законный повод позвонить начальнику отдела убийств. Позвонить Никите.

– Алло, Никита, здравствуй.

– Кто говорит?

Бог мой, какой у него голос! Катя даже слегка струсила – просто цепной барбос.

– Это я. Если ты занят сейчас, я перезвоню попозже.

– Подожди, Катя. Я не занят. То есть занят, но... Ты откуда говоришь?

Бог мой, как в одночасье может измениться мужской голос. И вроде ведь ничего не случилось.

– Откуда я могу говорить? Из кабинета, конечно, – Катя усмехнулась. Так-то, дружок, – я по делу. Насчет убийства в Октябрьском-Левобережном. Это ведь убийство?

– Да.

– Ты им занимаешься?

– Да.

– Это не моя инициатива, – Катя сказала это строго, официально. Пусть он не воображает, что она ищет повод, чтобы капитулировать. – Мне мой начальник поручил заняться этим материалом. Если он, конечно, есть – материал по этому убийству.

– Есть. Сколько угодно.

– Я, – Катя почувствовала, что в таком тоне разговаривать ей трудно, – наверное, все-таки я не во время, Никита. Я тебе перезвоню. Потом как-нибудь.

– Подожди, – спохватился он. – Если у тебя есть время, зайди ко мне.

Вот так просто после двухмесячной глухой вражды по пустячному поводу – «зайди ко мне». Катя пожала плечами – он приказывает ей, а ведь она в розыске не работает. Или таким неуклюжим способом он пытается помириться с ней? В конце концов, какая разница? У нее служебное дело к Колосову, а дело не ждет.

Она выключила компьютер и поспешила вниз, в розыск. За дверью колосовского кабинета монотонно бубнил мужской голос. Катя постучала, открыла дверь и...

Колосов был не один. Напротив него сидел долговязый, худой гражданин лет сорока, одетый в мятый синий костюм. Рядом с гражданином на полу стоял толстый кожаный порт-

фель. Лицо гражданина было остреньким, птичьим. Щеки бороздили багровые прожилки. Разговаривал он, часто облизывая губы и то и дело отпивая глоточек минеральной воды из стоявшего перед ним стакана.

Колосов увидел Катю на пороге и глазами указал ей на стул возле сейфа.

– Значит вы, Лизунов, утверждаете, что убили неизвестную вам женщину второго сентября в поселке Октябрьский-Левобережный в одиннадцать часов вечера?

Катя вся обратилась в слух. Все было сразу забыто – вражда, примирение.

– Возможно, было уже около полуночи, я на часы не смотрел, – нервно ответил гражданин по фамилии Лизунов. – Я явился к вам, чтобы во всем чистосердечно признаться и отдаться в руки правосудия. Чтобы сесть в тюрьму и испить до дна, так сказать, горькую чашу. Я отказываюсь от адвоката и... А это кто, врач? – он подозрительно уставился на Катю.

– Нет, это не врач. Это мой коллега из другого отдела. Тоже занимается этим убийством по своему служебному профилю. – Колосов обменялся взглядом с Катей. – Итак, все произошло около полуночи, вы говорите? Где же вы подкараулили потерпевшую?

– У автобусной остановки на окраине поселка.

– А там на окраине есть остановка?

– Да, маршрут восемнадцатый, – Лизунов отвечал с чувством собственного достоинства. – А вы что, не в курсе?

– Мы в курсе. Что же потерпевшая, была единственной пассажиркой, сошедшей с автобуса?

– Нет. Там сошли еще две женщины. Слишком полные. Уже в годах. Это совсем не мой тип, – Лизунов поморщился. – До них мне не было никакого дела. А вот эта юная блондинка сразу же привлекла мое внимание. Классический силуэт. Прямая спина балерины. Маленькая головка, гибкая талия. Воплощенное очарование. Лживое очарование. Соблазн... Маленькая балерина в белой пачке, легкая, как пушинка. Не верьте ее очарованию. Все это мираж. А на самом деле это просто тело, сплошное тело, жадное до секса, до скотской привычки совокупляться в самых изощренных позах. Как же я ненавижу весь этот обман, всю эту лживую мимику!

– Что ненавидите?

– Мимику. Весь этот дьявольски камуфляж. Сам дьявол сидит в их точеных головках, сам дьявол глядит на нас их невинными глазами. Короче, я пошел за ней следом. За этой лживой, подлой, завуалированной сукой.

– Куда?

– Туда, куда она направлялась. Как раз в сторону того участка, на котором ее потом нашли.

– И вы преследовали ее по пятам, да? Она вас видела?

– Нет, не думаю, – на лице Лизунова блуждала кривая усмешка. – Когда это самое на меня накатывает, я не узнаю себя. Я начинаю видеть в темноте, как кошка, я делаюсь стремительным и ловким. Я крадусь, и ни одна ветка не хрустнет у меня под ногами. Я, знаете ли, воображаю себя тигром, хищником. Этаким беспощадной машиной для убийства.

– У вас было с собой оружие?

– Естественно. Вот этот нож, – Лизунов нагнулся, щелкнул замком портфеля и достал жуткого вида поварской нож. – Вот, тут и кровь запеклась, видите? Я намеренно не стал уничтожать улики. Мне нечего скрывать, – он небрежным жестом положил нож на стол. – Это самое лезвие я и вонзил... в это упругое, жадное до секса, развратное тело.

Катю больше всего поразило то, что Колосов никак внешне не отреагировал ни на «орудие», ни на слова Лизунова. Следующий вопрос был задан самым обыденным тоном:

– Ну и как же это все между вами произошло?

– Да очень просто. Я догнал ее. Она вскрикнула, испугалась. По моему лицу она догадалась, что ее ждет. Попыталась ударить меня, вырваться. Но ей ли со мной бороться? – Лизунов закудаhtал смехом. – Я ощущал жар ее тела. Меня охватил какой-то дикий первобытный восторг. Я чувствовал себя на необыкновенной высоте. Я повалил ее на землю. Разорвал на ней платье...

– Вы сначала говорили, что потерпевшая была одета в джинсы и куртку.

– Ну, я не помню таких деталей. Я был возбужден, опьянен. Я разорвал на ней верхнюю одежду. Разорвал бюстгальтер. Он-то на ней был?

– Вам это лучше знать, Лизунов.

– У нее была красивая грудь, у этой маленькой потаскушки. Грудь – это наипервейшая вещь... Я видеть спокойно не могу это... эти... – Лизунов наклонился, закрыл лицо руками. – Я шалею. Она завизжала, и я нанес ей удар ножом в грудь. Потом ударил еще, еще. Это было море крови. Вы себе не представляете. Это половодье чувств, крови и плоти. Я просто обезумел. Я схватил ее за руку.

– За руку?

Кате в вопросе Колосова почудилась настороженность. Весь предыдущий монолог Лизунова он слушал молча.

– Ну да, за руку, – Лизунов вздохнул. – Вы хотите знать, что я сделал дальше?

– А что вы сделали дальше? Ваша жертва была мертва или еще жива?

– Она еще дышала. Но я перерезал ей горло вот так, одним движением. Схватил труп за руку и потащил. Я хотел его спрятать. Там была куча гравия на этом участке. Я забросал труп гравием.

– Зачем же было себя утруждать? – спросил Колосов. – Не проще было бы оставить все как есть?

– К этому времени я пришел в себя и ужаснулся содеянному. Меня мучил страх и угрызения совести. Я не мог видеть это истерзанное тело. Я страдал... Как я страдал! Я ведь не сразу явился к вам с повинной – заметьте. Все эти дни я боролся с собой. Поле битвы – душа человеческая... – Лизунов со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы, – после жесточайшей борьбы я решил явиться к вам добровольно. С этим во мне ведь надо же что-то делать, понимаете?

– Да, конечно, – Колосов спрятал нож в сейф. – А как же наш с вами прошлый случай – тот, задушенный старичок в Мытищах?

– О, это была ошибка, – Лизунов развязно отмахнулся. – Не знаю, что на меня тогда нашло. Мужчина – это вообще не мой тип. Старика я, естественно, не душил. На черта мне сдался старик? Я убил девушку в Октябрьском-Левобережном и спрятал ее тело в гравий. За это я готов сесть в тюрьму. Вот, все необходимое я взял с собой, – он ткнул ногой портфель. – Смена белья, безопасная бритва, пресса... В тюрьме разрешают выписывать газеты? Я привык регулярно читать прессу. Очень важно, что и обо мне теперь напишут. Я надеюсь, мое дело вызовет большой интерес общественности. Возможно, я сам напишу книгу. У меня есть о чем рассказать миру.

– Вы от нас ничего не утаили? – спросил Колосов.

– Я? Что вы! Я ведь даже нож вам принес.

– Нож-то совсем новый. Только что купленный, – Колосов покачал головой. – Да, история. Ну что же, пойдемте, нас с вами заждались.

– В тюрьме? Я готов, – Лизунов встал, взял портфель. – Позвольте я только сначала позвоню маме.

– Я позвоню вашей матери сам. Пройдемте в соседний кабинет.

– В прошлый раз вы ей наговорили про меня бог знает что. Нет уж, лучше я сам.

– Пройдемте в другой кабинет, – Колосов без всяких церемоний начал теснить Лизунова к выходу.

Катя осталась одна. Ну дела. Что же, можно садиться и писать готовый репортаж о раскрытии?

Колосов вернулся через пять минут. Прямо из бутылки выпил минеральной воды.

– И как твое впечатление? – спросил он.

– Во-первых, здравствуй, Никита. Рада тебя снова видеть живого и здорового. – Катя сравнила: изменился ли начальник отдела убийств за эти месяцы? Да нет, ничуть. – Это и есть убийца? Типичный психопат по поведению. Ну хотя бы сам во всем признался. – Катя следила за реакцией Колосова. – Ножик вон окровавленный приволок в подтверждение.

– Все врет сукин сын.

– Кто, Лизунов?

– Все вранье от первого до последнего слова, – Колосов сел на угол стола рядом с Катей. – И что мне с этим уродом делать? Пятый раз он ко мне с вещами является – сознается. В прошлый раз брал на себя убийство пенсионера в Мытищах. Проволоку, паразит, в качестве улики приволок, мол, это удавка у него была такая. А до этого брал на себя убийство в подъезде барменши из Отрадного, а еще раньше...

– Откуда же он узнает о преступлениях?

– А из местной прессы, – Колосов смотрел на Катю. – Из центральной прессы, из областной. Он и «МК» почитывает и этот ваш «Вестник» и «Криминальную хронику». Узнает какие-то подробности из газет и является каждый раз мотать мне нервы.

– И как же ты реагируешь?

– Ну, ты же все видела.

– Вы когда из кабинета вышли, часом его с лестницы не спустил?

Колосов устало усмехнулся.

– А в этих его показаниях действительно ни одного слова правды? – Катя вспомнила лицо Лизунова. – Вообще кто он такой? Чем занимается?

– Да ничем он не занимается. Живет с престарелой матерью в двухкомнатной квартире. У них еще квартира есть – от бабки досталась. Ту они сдают. На это и живут. Сам он холостяк. Инвалид второй группы.

Катя покрутила пальцем у виска.

– Нет, – ответил Колосов, – Сколько мы экспертиз ему ни назначали, каких-то особых отклонений психиатры у него не нашли. Инвалидность у него из-за диабета. А явка с повинной у него вроде хобби. Сахар, что ли, ему каждый раз в башку ударяет?

– Возможно, он жаждет внимания к своей персоне, хочет прославиться, попасть в газеты. И фантазии у него весьма своеобразные: женофобия. Вы глядите за ним в оба. От таких фантазий до поступков – один шаг. – Катя покачала головой. – Значит, он все лжет?

– Ни по одному признаку, кроме того, что убитая – молодая женщина, совпадений нет. Я уж не говорю про факты, которые мы намеренно скрыли.

– А что вы скрыли? Что-то серьезное?

– Хочешь материал по этому делу написать?

– Начальник поручил – куда деваться?

– А без начальника? Так и не позвонила бы?

– Никита, ну что произошло? – Катя вздохнула. – Из-за чего мы с тобой так глупо поссорились?

– Всего лишь глупо, по-твоему?

– Ну, я поступила плохо. Обидела тебя, но я... А ты тоже хорош. Из-за такой ерунды...

– Да я много-то давно уже не прошу у тебя, – Колосов отвернулся. – Так, каплю хотел от всех щедрот. Да и то ты для меня поскупилась.

– Пожмотничала? – Катя опять вздохнула. – Не пожмотничала я. Мне жаль, что так вышло, Никита. Но думаю, что на этом мы поставим точку. Я не стану тебя больше отрывать от дел. Начальнику скажу, что из этого убийства хорошего репортажа не выйдет. Займусь другим происшествием, мало ли.

– Подожди, ты куда? – воскликнул Колосов растерянно. – Как же это? Ничего толком у меня не спросила, а уже говоришь материала не получится! То есть как это не получится? А ты слышала, как Лизунов потерпевшую описывал? Силуэт балерины, осиная талия, легче пушинки... А вот на это взглянуть тебе не интересно?

Он чуть ли не силой усадил Катю, собравшуюся было уйти, снова на стул, к компьютеру, тут же врубился в поисковый файл. Кликнул мышью на одном из множества фотоснимков, увеличил изображение.

С экрана компьютера на Катю в упор смотрела чрезвычайно непривлекательная молодая женщина. Медно-рыжие, прямые, как палки, волосы, разделенные пробором, падали на плечи, обрамляя грубое одутловатое лицо. Тяжелая бульдожья челюсть выдавалась вперед, нос был приплюснут, от крыльев носа шли резкие складки. Кое-где на лице были заметны прыщи, кое-как замазанные тональным кремом, слишком темным, для бледного цвета кожи. Взгляд глубоко посаженных темных глаз незнакомки был исполнен презрения и какого-то горького вызова. Женщина со снимка, словно говорила всем своим видом: да, я безобразна, но что из этого следует? Вам неприятно на меня смотреть? Так не смотрите, катитесь к черту.

– Как ее имя? – спросила Катя. – Вы все-таки установили личность убитой?

– Звали ее Валерия Борисовна Блохина. – Колосов увеличил еще несколько фотографий. – А это она же, только уже после.

Катя смотрела на снимки – мертвое женское тело. Совершенно голое, грязное, точно выкопанное из могилы.

– Как ее убили?

– Пулевое ранение в голову. Выстрел был сделан с близкого расстояния, в затылок из пистолета «ТТ».

– Пуля, гильза?

– Пулю извлекли из тела. А гильзы нет. Искать ее надо не на стройке в Октябрьском-Левобережном, – Колосов смотрел на снимки с места происшествия. – На стройку труп попал приблизительно спустя неделю после убийства. Такова давность смерти по заключению патологоанатома.

И он рассказал Кате о грузовике с гравием под управлением шофера Мотовилова и бригаде украинских шабашников.

– Шофера я допрашивал первым, сразу же после осмотра места. На мужике прямо лица не было – так вроде перепугался. Но, знаешь, Катя, что-то темнил он, рассказал мне этакую сказочку-небылицу по поводу этого самого гравия, в котором труп нашли.

– А на теле Блохиной имелись какие-то другие повреждения, помимо пулевой раны? – спросила Катя. – Те, что вы скрыли от... Слушай, Никита, я не понимаю, откуда Лизунов-то узнал об убийстве?

– Я же тебе говорю – из прессы. Местная газетенка «Маяк» в хронике событий тиснула заметку о неопознанном женском трупе на стройке. Информация из дежурной части местного отдела поступила в усеченном виде. По сути, Лизунов пересказал нам то, что в газете прочел. Ну и от себя добавил брехни.

– А в газете было сказано, что на теле имелись ножевые раны? Лизунов говорил, что бил жертву ножом.

Колосов помолчал. Потом достал уже из стола еще пачку фотографий.

– Вот, это уже в морге снимали. Вид спереди, вид со спины.

На коже убитой на снимках четко были видны прерывистые багровые полосы – на груди, на животе почти до лобка. И на спине – от шейных позвонков до ягодиц.

– Что это такое? – спросила Катя.

Колосов достал поварской нож Лизунова, потрогал лезвие.

– Кроме пулевого ранения, которое и было смертельным, на теле, как видишь, есть еще и неглубокие ножевые порезы. По заключению патологоанатома они имеют посмертный характер. Кто-то удалил с трупа всю одежду, разрезав ее ножом вот так. – Колосов провел ребром ладони себе по груди. – Об этих порезах в заметке не было ни слова. Эту деталь мы намеренно опустили. Лизунов не говорил, что он таким вот способом раздевал жертву.

– Он сказал, что разорвал верхнюю одежду, – напомнила Катя.

– Да забудь ты о его болтовне, – Колосов поморщился, – Зря я этого ханурика тебе показал.

– Ты его показал мне не зря. Я раньше только слышала о таких, а теперь увидела собственными глазами. Так, как он рассказывал об убийстве, он мог бы убедить в своей причастности кого угодно, не только меня наивную. Я не знаю всех обстоятельств, не знаю какой информацией вы располагаете. Не знаю, как вам удалось установить личность этой Блохиной, а ты требуешь, чтобы я не верила тому, что...

– Личность мы почти сразу установили, – перебил ее Колосов, – проверили банк данных по пропавшим без вести и объявленным в розыск – наш, областной и столичный. Данные последних двух недель. Блохина была заявлена в розыск матерью и теткой 29 августа. Прописаны по паспорту они были вместе, в одной квартире. Это пока все, что мы о ней знаем.

– Оpozнание уже было?

– Официально пока еще нет, – Колосов пристально смотрел на Катю, – но вообще-то опознать ее нам было нетрудно.

– Ты имеешь в виду ее внешность?

Колосов прошелся по кабинету. Паркет поскрипывал.

– Еще что-то было, что вы решили пока не афишировать? – прямо спросила Катя. О, она слишком хорошо знала, что скрывается под этими зависающими в воздухе паузами.

– Вот что было на трупе. Приобщено к делу, как и пуля. Я должен предъявить это на опознание ее близким. – Колосов потянулся к своей папке, расстегнул «молнию» и достал опечатанный пластиковый пакет.

Катя с любопытством склонилась над его содержимым. Внутри было что-то наподобие металлического жетона, из тех, которые положено носить военным. Однако форма жетона была необычной – квадратной. Справа имелось круглое отверстие, в которое была продета капроновая нитка. На жетоне были выгравированы цифры и буквы.

– Это было на ее левой кисти – капроновой ниткой намертво прикручено. Нам разрезать пришлось, чтобы снять, – сказал Колосов. – По-твоему, на что это похоже?

Катя придвинула к себе лист бумаги и переписала то, что было выбито на жетоне. Получилось «K2011Y№258»

– Какой-то странный номер. – Катя рассматривала жетон сквозь пластик. – Что-то мне эта железка напоминает.

– Это вот? – Колосов расстегнул ворот рубашки и вытащил свой жетон с личным номером на цепочке.

– С каких это пор ты стал носить это на шее? – спросила Катя. – Раньше он у тебя болтался на связке ключей.

Колосов убрал свой военный талисман.

– Похоже, но форма иная, – Катя осторожно взяла пакет с жетоном в руки, – Тут квадратик, и тоньше на ощупь. Может, Блохина носила это на запястье как браслет?

– Это на капроновой-то нитке?

– А может, это оригинальное дизайнерское решение? Никита, а ты что же сегодня к семье Блохиной собираешься?

– Сейчас с тобой договорю и айда.

– Я с тобой! – Катя забрала листок с номером. – Впрочем, может быть, ты совсем и не хочешь, чтобы мы ехали вместе?

– Знаешь, что я обо всем этом думаю? – медленно спросил Колосов.

– Обо всем? О чем?

– О наших с тобой отношениях.

– О наших отношениях? – Катя снова струсила – такой у него вдруг сделался мрачный вид. – А что опять не так с нашими отношениями? Мы же только что помирились, золотко мое?

– Золотко? Что в отношениях не так?! Пригласи я тебя как любой нормальный мужик на свой день рождения в бар, в ресторан, что ты мне скажешь? «Ой, Никита, ой, не могу, пламенный тебе привет, но не могу, не поеду». А заикнись я, что еду голый труп какой-то чертовой бабы в морг осматривать, так ты помчишься наперегонки со мной, словно я... я не мужик, а бревно какое-то бесчувственное, бесполое!

– Ты бревно? – тихо спросила Катя. – Ой, Никита... – она взяла его за руку. – Это скорее уж я бревно.

– Вережки ты из меня вьешь. Ну, это уж в последний раз. Все, баста, к черту. – Руки своей он не убрал. – Пропаду я, наверное, со всей этой каруселью, ну туда мне и дорога, идиоту. Уж по мне-то ты точно плакать не станешь.

– Стану. Не пропадай, – Катя сама отпустила его руку. – Ну все, поехали к Блохиным. Они где живут? Далеко?

– В Бескудникове, – Колосов с грохотом задвинул ящик письменного стола, словно это он, бедный, деревянный был во всем виноват.

Дорогой Катя помалкивала, давая возможность всем вспыхнувшим было так некстати искрам погаснуть, а неловкости испариться. В их с Колосовым отношениях как раз ее-то сейчас все устраивало. И она не хотела перемен. Они могли лишь помешать делу, которым она уже начала всерьез чисто профессионально интересоваться.

ГЛАВА 4. У БЛОХИНЫХ

Это была неприветливая, насквозь пропитанная слезами горя квартира на семнадцатом этаже высотного дома в новом микрорайоне в Бескудникове. Дом-башня, возведенный посреди пустоши, был открыт всем ветрам. По лестничным клеткам гуляли сквозняки. Но в квартире Блохиных были наглухо задраены все окна и форточки.

В двух комнатах клубилась спертая духота. Кате, вошедшей вслед за Колосовым в прихожую, едва не стало дурно.

Встретили их в прихожей обе женины – мать Валерии Блохиной Елена Станиславовна и ее тетка Антонина Станиславовна. Она и отвечала на все вопросы. Мать Блохиной молчала. У Кати сложилось впечатление, что известие о смерти дочери помутило ее рассудок.

– Валерия проживала здесь с вами? – спросил Колосов.

– Нет, Лерочка жила отдельно, снимала квартиру, – Антонина Станиславовна, худая, жилистая, прямая, как жердь, отвечала односложно, без всякого выражения.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Она звонила... звонила Лене, – Антонина Станиславовна оглянулась на сестру. – Это было... когда же это было? Примерно числа двадцатого. Она сказала, что ей надо уехать на пару дней по делам фирмы. Сказала, что вернется в субботу и обязательно заедет к нам или позвонит. Но ни в субботу, ни в воскресенье, ни в понедельник она не приехала, и звонков тоже не было. Мы забеспокоились. Лерочкин телефон не отвечал. Во вторник мы уже обзванивали больницы. Потом пошли в милицию, заявили.

– Вы знаете адрес квартиры, которую она снимала? – Колосов приготовился записать.

– Знаем только, что это где-то в Химках. Лерочка говорила, что там снимать дешевле, а потом – самое главное ей удобнее и быстрее добираться до офиса. Она работала в фирме там, в Химках.

– А кем она работала? Что за фирма? – спросила Катя.

– Фирма... точно не скажу. Мы были рады, что она нашла эту работу. Пусть и не в Москве. Сейчас на хорошие деньги женщине сложно устроиться, даже если она и без каких-то физических недостатков, здоровая, красивая. Что уж говорить о... – Антонина Станиславовна взглянула на сестру, и внезапно голос ее изменился, зазвучал совсем глухо. – Фирма... мы не знаем что за фирма. Лера говорила, что они дают объявления в газеты, в Интернет, что-то такое для молодежи.

– А куда она собиралась уехать, она вам не сказала? – Колосов задавал вопросы очень осторожно.

– Нет. Она никогда о своих делах не распространялась. Она взрослая была, самостоятельная.

– Выросла моя девочка, – тихо в пустоту произнесла мать Блохиной. – Ни единого дня радости с самого рождения, ни нормального детства, ничего... Крест свой несла, а теперь что же? Теперь как же? За все страдания – такая награда?

– Лена, ты пойдешь, ляг. Я уж сама тут. Ты пойдешь, тебе надо отдохнуть. – Антонина Станиславовна хотела было увести сестру в комнату, но та отстранила ее. Губы ее беззвучно двигались.

– Валерия одна квартиру снимала или, может быть, вместе с подружкой? – уточнила Катя.

– Подружкой? Какие подружки! У Леры не было подруг, друзей. Даже в школе она всегда была... – Антонина Станиславовна покачала головой. – Молодежь порой так жестока. Ну

что вы спрашиваете? Неужели вы не понимаете, что этого спрашивать нельзя, это просто бесчеловечно!

Катя почувствовала, как Колосов сжал ее локоть. Удивленная, она замолчала и далее только слушала их во многом очень и очень странный диалог.

– Вы звонили ей всегда на ее мобильный телефон?

– Да, номер 8-901... – Антонина Станиславовна назвала номер, Колосов записал в блокнот. – Мы ждали, искали ее, нашу девочку, но телефон был отключен.

– А на той ее съемной квартире телефона что, не было?

– Нет.

– А фирма, где она работала, имеет телефон?

– Я не знаю. Наверное. Это же работа. Но Лерочка нам не сообщала номера. Мы всегда звонили ей на ее мобильный.

– Сколько времени она работала в этой самой фирме?

– Два года... Нет, больше. Два это она только квартиру снимала, жила от нас отдельно. Я даже сюда вот, к сестре из Владикавказа переехать смогла. У меня там своя квартира осталась, от покойного мужа.

– Может, и этот вопрос прозвучит для вас неприятно, – Колосов кашлянул, – вы уж простите, но сейчас дело такое – убийство, не до церемоний... Короче, подруг у нее не было никогда, это я понял, а мужчина у нее когда-нибудь был?

Антонина Станиславовна отвернулась:

– Не спрашивайте меня. Вы же все видели сами!

– Я не могу не спрашивать. Ваша племянница убита. Валерия убита. Мы ищем убийцу. Мы должны знать все о ее последних днях, все о ее знакомых, круге ее общения. О людях, с которыми она встречалась после того, как звонила вам, сообщив, что куда-то едет. Без этого розыск вперед не продвинется. Убийца Валерии останется безнаказанным и, возможно, убьет кого-то еще. Вы этого хотите?

– Я этого не хочу, я бога молю, чтобы вы его нашли – иного-то ничего не остается. Но о мужчинах меня не спрашивайте.

– Так был у Валерии кто-то или нет?

– Я не знаю. Она с нами этим не делилась. Да поймите, у такой, как она... Впрочем, я не знаю – мужчины натуры извращенные. Сейчас столько разврата кругом, что кого-то из них вполне могла возбудить даже аномалия, даже уродство, что угодно!

При этих словах Антонины Станиславовны Елена Станиславовна Блохина закрыла лицо руками и начала раскачиваться из стороны в сторону. Общими усилиями они довели ее до постели, уложили. Антонина Станиславовна нажала в чашку корвалола. Дала выпить сестре. Где-то в глубине квартиры часы глухо пробили четыре раза. Оставив Елену Станиславовну в комнате, перешли на кухню.

– Лена бедная, вне себя от горя, – сказала Антонина Станиславовна, капая корвалол и себе. – Ее вы, пожалуйста, не тревожьте сейчас. К нам из милиции до вас дважды уже приезжали. А ей ходить к следователю да в прокуратуру сейчас просто не по силам. А впереди-то у нас еще похороны, – она выпила лекарство. – Вот наша женская доля какая. У меня своих детей нет. Сколько я в молодости переживала из-за этого, по врачам металась. А сейчас думаю – слава богу, что не завела. А то как сестра бы всю жизнь казнила себя. Гены у нас, что ли, такие, наследственность дурная? Муж-то сестры, отец Лерочки такой здоровяк был, кровь с молоком. И не пил вроде. Бросил он их, едва мы Леру из роддома привезли. Настаивал, чтоб отдали ее в дом ребенка, отказались от нее, но Лена сказала тогда – это дочь моя, какая уж есть. Ну, он и бросил их, ушел. А теперь никого у нас с сестрой не осталось на этом свете...

– Вы разговаривали с Валерией по телефону примерно двадцатого августа, так? А виделись вы с ней в последний раз когда? Давно? – спросил Колосов.

– Где-то в середине августа она к нам заезжала. Приехала веселая такая, на такси. Денег нам привезла – пять тысяч, продуктов две полные сумки.

– Как она обычно одевалась?

– Она всегда брюки носила, кофты, свитера. Куртка у нее была такая модная, дорогая, из замши, удлиненная. Летом носила кардиганы из шелка, хлопка – тоже удлиненные, бедра прикрывала.

– А перчатки она носила? – спросил Колосов.

Катя взглянула на него: перчатки? Это в августе-то месяце? Правда, дожди шли, но все же...

Антонина Станиславовна кивнула:

– Да, постоянно, не снимая. Кожаные. У нее было несколько пар, сделанных специально, на заказ. Она сильно нервничала, когда кто-то смотрел на ее руки. Считала, что перчатки в какой-то мере скрывают, оберегают ее от... Господи, как они могли уберечь?

Катя увидела, как исказилось ее лицо: Антонина Станиславовна явно говорила о чем-то болезненном, важном – только вот Катя, в отличие от Колосова, пока мало что во всем сказанном понимала.

– Взгляните, пожалуйста, вот такой брелок Валерия в качестве браслета на руке не носила? – Никита Колосов достал из папки пакет с жетоном.

Антонина Станиславовна посмотрела и покачала головой:

– Нет, да и какой же это браслет? Вроде номерок от вешалки?

– Точно – это вещь не Валерии?

– Я такого никогда у нее не видела. Да и потом, не носила она никогда браслетов, колец. Часов даже и тех не носила. Я же говорю – она просто страдала из-за своих рук. И никогда не покупала украшений, которые могли бы привлечь к бедным ее рукам внимания.

В лифте, когда окончив допрос, они покинули квартиру, Катя спросила:

– Тебе доставляет удовольствие держать меня за дурочку, да? Это все-таки что-то вроде мести?

– О чем ты? – буркнул Никита.

– О том, о чем ты молчишь, – не выдержала Катя. – Что там еще у вас с Блохиной? Что за скрытые обстоятельства, которые ты мне так и не решился доверить? В конце концов, ты перестанешь со мной играть в эти тайны, умолчания? Или мы с тобой снова поссоримся, причем так, что ты никогда уже не...

– Хочешь знать, что у нее с руками? И со всем остальным? – тихо спросил Никита. – Я сам хотел предложить тебе в морг съездить. Там результаты вскрытия готовы. Только вот я не знал, как ты к этому моему предложению отнесешься. Это надо видеть, Катя, словами этого не передашь.

ГЛАВА 5. ДЕЛОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Один телефонный звонок может кардинально изменить привычное течение вашей жизни. Повернуть ее в такое русло, которое и представить-то себе трудно.

Вадим Кравченко припарковал машину у хорошо знакомого ему особняка на Чистых прудах. Первый этаж особняка арендовала под офис туристическая фирма «Столичный географический клуб», совладельцем которой с самого ее основания был Сергей Мещерский.

Сегодня был так называемый «денежный» день: Мещерский должен был ехать в банк отвозить деньги. Фирма была скромная, большую часть средств партнеры и совладельцы вкладывали в организацию экстремальных этнографических туров в самые экзотические и не часто посещаемые места по всему миру. А вот на штатах, на персонале приходилось экономить. Турфирма щедро финансировала самых разных специалистов: инструкторов-проводников, лесничих, альпинистов, водолазов и спелеологов, однако не могла себе позволить лишнего клерка, шофера или курьера.

Поэтому деньги в банк по очереди отвозили сами компаньоны-совладельцы. На этот раз наступила очередь Мещерского. А его друг детства Вадим Кравченко по заведенному раз и навсегда распорядку всегда в такие дни сопровождал Мещерского – туда и обратно. Деньги есть деньги, а Москва – город ушлый на такие вещи, крутой.

Работодатель самого Кравченко, небезызвестный в столице предприниматель Чугунов на весь сентябрьский бархатный сезон отправился вместе с супругой и престарелой тещей в Карловы Вары – лечиться. С каждым годом он все больше пекся о своем здоровье, и хотя по-прежнему, порой, любил удариться в затяжной поход по казино, клубам, саунам и загородным отелям, впоследствии тратил уже не дни, а целые месяцы на восстановление подорванных алкоголем, бессонными ночами и плотскими забавами сил.

В тихих, безопасных Карловых Варах личный телохранитель Чугунову не был нужен. Поэтому Кравченко остался в Москве, в центральном чугуновском офисе. Как начальник службы безопасности он в отсутствие шефа вполне свободно распоряжался своим временем. И ему ничего не стоило пасмурным сентябрьским днем подъехать к другу Сереге на Чистые пруды и сопроводить его в Китай-город в банк.

Однако до офиса турфирмы Кравченко дойти не успел: прямо на тротуаре его настиг звонок по мобильному. Кравченко на сто процентов был уверен, что трезвонит Катя. Утром он еще спал, а она, как мышка, шмыгнула из квартиры – торопилась на работу к девяти, боялась опоздать. Даже завтраком не соизволила мужа осчастливить.

Кравченко решил, что вот сейчас выскажет ей все: что он чуть не помер с голода, что молоко в холодильнике – лед, как женское сердце, что он вянет как ландыш без чуткого внимания и ежеминутной заботы – пусть, пусть жене будет горько и стыдно:

– Алло, ну и что, дорогуша, имеешь мне сказать в свое оправдание?

– Вообще-то я кое-что имею сказать Вадиму Кравченко. Вы Вадим?

Голос в телефоне был мужской, вежливый, ироничный, приятный.

– Я слушаю, кто говорит?

– Виктор Долгушин. Маленькое приключение в Питере еще помните?

От неожиданности Кравченко растерялся. То, что произошло в баре гостиницы «Астория – Англетер», он помнил, конечно же, помнил, но... уже почти забыл. Столько времени прошло – весна, лето. Долгушин, Жданович, Кирюша Боков, мелькающий по телевизору на всех концертах и тусовках – спора нет, личности яркие, но Кравченко и себя считал личностью хоть куда.

Он помнил смутно: там, у джипа, после того как они запихали, как куль, пьяного Алексея Ждановича на заднее сиденье к каким-то девчонкам, Виктор Долгушин по-джентльменски поблагодарил его, Вадима Кравченко, за помощь и спросил имя. Естественно, Кравченко себя назвал, сказал, что он с женой остановился в этом отеле (еще бы не похвастаться!), назвал номер.

На следующее утро Долгушин позвонил в номер, еще раз поблагодарил за спасение Лехи Ждановича от боковских «горилл», спросил, как долго Кравченко еще прогостит в Питере. Кравченко был польщен в душе. Помнится, тогда он и обмолвился, что работает начальником службы личной охраны, и дал по просьбе Долгушина свой сотовый номер.

Это был приятный короткий эпизод – и только. От случайного шапочного знакомства с питерскими рокерами Кравченко не ждал для себя никаких сюрпризов и выгод. Тем более не мог представить, что жизнь сведет его с ними уже в Москве.

– Все помню, Виктор, – ответил он вежливо, – рад звонку. Никак не ожидал.

– Вы мне тогда сказали – вы телохранитель, профи, так, Вадим? – голос Долгушина звучал приветливо, но уже по-деловому.

– Так точно.

– У меня к вам предложение – не хотели бы вы поработать на меня? Вы располагаете сейчас свободным временем? Речь пойдет о какой-то неделе.

– Вообще-то, я не в отпуске. – усмехнулся Кравченко, – Но так вышло, что шеф мой сейчас в отъезде. Осиротил нас, поэтому время-то свободное изыскать можно. А вы что, Виктор, хотите меня своим телохранителем взять? Гастрольный тур в столице?

– Нет, никаких гастрольных туров у меня нет. Я здесь в Москве с друзьями. И тут одна проблема вышла, – Долгушин усмехнулся. – Не очень серьезная, но все же проблема. Возникла нужда в энергичном, смелом и опытном в таких делах человеке, профессионале. Я сразу вас, Вадим, вспомнил. В охранное агентство обращаться, честно говоря, не хочется. Да я в Москве никаких агентств толком и не знаю. Так что, если вы примете мое предложение, буду вам признателен. Насчет оплаты, думаю, договоримся. Это на ваших условиях.

– А в чем проблема-то? – спросил Кравченко.

– Ну, об этом не по телефону. Вы не могли бы приехать ко мне лично, тогда все и обсудим. Завтра в час дня вам удобно?

– Ладно, в час. А в какой гостинице вы остановились?

– Приезжайте на Северный речной вокзал. Нулевой причал – это возле грузового порта. Там наш теплоход стоит. Спросите «Крейсер Белугин», я буду вас ждать.

– «Крейсер Белугин»? Это так теперь теплоход зовется? – спросил Кравченко.

– Да, так теперь называется теплоход, – Долгушин снова усмехнулся. – Товарищу пароходу и человеку... Рад, что вы согласились, Вадим. Вы нас очень выручили. Значит, до завтра.

Кравченко хотел было переспросить – кого это «нас» он выручил? Но спрашивать было уже некогда: голос Долгушина растаял в эфире.

– Что-то ты такой загадочный, Вадик? – спросил Сергей Мещерский, когда его приятель переступил порог офиса турфирмы.

– Станешь загадочным. Знаешь, кто только что объявился? – и Кравченко, распираемый новостями, тут же все рассказал Сергею.

Мещерский присвистнул:

– Дела. А ты серьезно мыслишь податься к нему в охранники?

– А кому лишние деньги мешают? – Кравченко явно что-то прикидывал. – Сдеру с него, сколько захочу, если он так во мне заинтересован.

– Он же твой, точнее, наш кумир, Вадик. Кумир юности. Мы же фанаты были какие. Сколько кассет «Крейсера» мы с тобой когда-то...

– А с кого драть бабки, как не с кумира, Серега? Это даже приятно, черт возьми, стричь барана, которого когда-то чуть ли не гуру своим считал, учителем жизни... Я вон Катке на день рождения парку хочу норковую подарить. – Кравченко похлопал себя по карманам. – А башли где?

– Слушай, возьми меня завтра с собой, – взмолился Мещерский. – Я хоть одним глазком... Там, в Питере все самое интересное пропустил, так хоть здесь погляжу. Долгушину скажешь, что ты всегда с напарником работаешь, а платишь ему из своего гонорара.

– Слушай, мы едем сегодня в банк или нет?

– Едем, только... Мне на этот «Крейсер» хочется и вообще... А потом мало ли какую работу он тебе предложит? Этот шоу-бизнес, – Мещерский покрутил головой, – он не очень к расслабухе располагает. Талькова-то вон застрелили и до сих пор – полные потемки.

– Долгушин к шоу-бизнесу никогда никакого отношения не имел, – заметил Кравченко, – и уж точно сейчас не имеет.

– Это почему?

Вместо ответа Кравченко пересек офис и включил стереомагнитоу, стоявшую на подоконнике. Начал искать – «Наше радио», «Авторadio», «Динамит», «На семи холмах», «Радиодиско» – на всех пели, не умолкали Наташа Королева, старушка «АББА», Бритни Спирс, Селин Дион, «Звери», «Корни», Томас Андерс, Стинг, «Машина времени», Петр Лещенко, Алла Баянова, София Ротару, «Кукрыниксы». Но ни одной песни «Крейсера Белугина» не звучало ни на одной радиочастоте.

Да был ли этот «Крейсер» на самом деле?

ГЛАВА 6. АНАТОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Катя ожидала, что они поедут за результатами экспертизы в морг какой-нибудь местной больницы, однако Колосов повез ее в Лужники в анатомический театр медицинского института. Еще на входе они попали в плотный поток студентов-медиков. Толпа шумной молодежи направлялась в одну из анатомических аудиторий. Тут были студенты и с лечебно-диагностического факультета, и с санитарно-гигиенического, и с медико-биологического, а так же с кафедры судебной медицины.

Катя неожиданно окунулась в уже почти забытую университетскую атмосферу. Среди студентов в белых халатах преобладали ребята – медицинский институт давал отсрочку от армии.

– Не знаешь, в седьмой аудитории потом семинар будет? – спросил Катю бородатый медик лет девятнадцати.

Катя пожала плечами.

– Слон, ты «Досуг» сегодняшний смотрел? – окликнул бородач его ровесник: белый халат застегнут криво, не на те пуговицы, с плеча висельником свисает рюкзак «рибок». – Слон, там, кажется, про Ника Кейва столбец тиснули. Может, он после Питера по второму заходу в Москве концерт даст?

– Не даст он больше Москве ни разу, – сказал бородач, косясь на Катю.

– Чего?

– Кайф не тот тут, аура тусклая. Вот чего. Я ж говорил тогда – в Питер ехать надо было, не ждать. Вы ж самые умные с Максом!

– Пессимист ты, Слон, дремучий, – криво застегнутый белый халат вздохнул и тоже спросил у Кати: – Не знаешь, во второй аудитории скоро эта тошниловка начнется?

– Тошниловка? – Катя не знала, что и сказать.

То, что молодые медики горячо интересуются концертами Ника Кейва, ее удивило.

– Ну да, – белый халат смерил Катю взглядом. – Да ты с какого потока, детка?

– Идем во второй зал. – Катя услышала за спиной голос Колосова. – Черт, не думал, что они из экспертизы такой цирк сделают. Мне профессор Басов сказал – случай весьма редкий в их практике, вот они студентов сюда и нагнали, как на лекцию. Но нас все это с тобой не касается. Сначала мы, потом эти айболиты.

Возле дверей второй аудитории толпилось особенно много студентов. Но двери были закрыты.

– Вчера в «Мегу» ездили с девчонками, – делилась с приятельницами пухленькая студентка. – Думала умру. Но вообще здорово там. Сумцы там в одном бутике – потрясающие. Но стоят! Какая-то бельгийская фирма – отпад. Мы с девками решили еще в Химки смотаться – поглядеть, что там за мегамолл. Может, родня деньжат подкинет, а может, скидки будут на сумки.

– Скидки будут в декабре, Нелька, а сейчас сентябрь. Пока ждешь, мода переменится. Чего нас в аудиторию не пускают? Заснули там, что ли, все? – нетерпеливо постукивала каблучками ее соседка. – Вообще по расписанию у нас не должно быть сегодня больше занятий.

Дверь аудитории приоткрылась, выглянул некто молодой в белом халате и поманил Колосова и Катю – заходите. Студентов он не пропустил.

– Вот, Катя, познакомься профессор Басов Михаил Осипович, – представил Колосов толстенького, похожего на пингвина и очень молодого врача, стоявшего в окружении ассистентов возле демонстрационного стола, на котором лежало обнаженное женское тело.

Катя поздоровалась, собрала себя всю по крупиночке – только держи себя достойно, подумаешь – труп. Формалином пахнет... Голоса студентов гудели за дверью: Ник Кейв, новые сумки в мегамолле, смех, каблучки тук-тук... Все осталось там, здесь, в просторном анатомическом зале, был только свет, льющийся из широких окон, пустые ряды амфитеатра, демонстрационный стол в центре и то, что на нем.

– Ну что ж, Никита Михайлович, – профессор Басов обращался к Колосову как к своему ровеснику и старому знакомому, – приступим. По поводу причины смерти по результатам исследований наш вывод полностью повторяет выводы первоначального осмотра – пулевое ранение в голову. Насчет других телесных повреждений мы уже с вами говорили, перейдем к новым фактам. – У Басова был тонкий фальцет. Говорил он громко, так как привык читать лекции. – Прошу вас и вашу коллегу взглянуть сюда, – он указал на тело. – Что мы имеем? Судя по всему, мы имеем некоторые и весьма характерные признаки проявления гермафродитизма в анатомическом смысле.

Катя смотрела на то, что лежало на столе. Она не узнавала в ЭТОМ Валерию Блохину. Ничего общего, казалось, не было у этого мертвого, тронутого разложением лица, с лицом, запечатленным на глянцевом квадратике фотографии. Все было слишком похоже на жуткий муляж.

Спереди на груди и на животе трупа Катя увидела прерывистую линию неглубокого ножевого пореза. Кто-то полоснул ножом и таким образом уже после смерти освободил от одежды Валерию Блохину. Кто-то обладал недюжинной силой, чтобы вот так одним взмахом лезвия сделать это.

– Какие характерные признаки, Михаил Осипович? – хрипло спросил Колосов.

– Ну, например, совершенно мужское строение скелета. Чрезмерное развитие мускулатуры плечевого пояса и при этом недоразвитость грудных желез...

Катя смотрела на Блохину. Они говорили о ней.

– Однако общие женские признаки, как видите, налицо, – продолжал Басов.

Катя на мгновение отвела взгляд в сторону – она никак не могла понять, что кроме ужаса смерти в увиденном так ее беспокоит, смущает, вызывая недоумение и испуг.

– Налицо слабое развитие подкожной клетчатки, что тоже может быть отнесено к признакам определенной аномалии. Взгляните на челюстно-лицевой отдел. Здесь мы тоже видим характерные признаки: например, нижняя челюсть сильно выдается вперед, постановка зубов неправильная. По результатам вскрытия делаем вывод, что и половые органы по степени своего развития соответствуют органам десятилетней девочки, хотя возраст потерпевшей на момент исследований составляет тридцать четыре года. Теперь перейдем к главным, наглядным признакам аномалии в анатомическом строении. Как вы можете видеть, – профессор Басов обошел стол, – на правой и левой руке потерпевшей...

Катя вздрогнула, впившись взглядом в руки Валерии Блохиной. Она сначала не поверила своим глазам – решила, что это обманчивый свет сыграл с ней шутку, но...

– На правой и левой руке потерпевшей имеется по шесть пальцев вместо пяти, – Басов подчеркнул сказанное голосом, как опытный лектор. – Редкий случай. В литературе описаны факты таких врожденных аномалий. Однако в основном это случаи, когда у больных имелся шестой палец только на одной руке или же стопе. На обеих руках – это редкое явление. Судя по всему, потерпевшая в прошлом перенесла несколько хирургических операций по разделению сращенных пальцев.

Катя смотрела на руки Блохиной. Чувствовала, как по спине ползет неприятный холодок: руки были какие-то не человеческие. На правом запястье, точно браслет – багровые кровоподтеки. Накрученный на кисть капроновый шнурок здесь видимо глубоко врезался в кожу. Катя наблюдала и за Колосовым. На лице его сейчас она видела профессиональный интерес и какую-то отчужденность, граничащую почти с физическим отвращением. Урод-

ливый женский труп он разглядывал как диковинного зверя. И мыслями своими был где-то далеко от второй анатомической аудитории.

– Нашим студентам будет интересно воочию увидеть и изучить как эту, так и другую физическую аномалию, – голос профессора Басова пресек Катины мысли. – Переверните тело.

Ассистенты споро перевернули Блохину на живот.

– На момент рождения имелось и значительное развитие хвостового придатка, – Басов рукой в перчатке провел вдоль позвоночника Блохиной. – Вот, взгляните. В детском возрасте ей была сделана операция, и часть придатка была удалена. Однако только часть – можете убедиться в этом сами.

Катя неожиданно для себя с силой вцепилась в руку Колосова. Она видела многое в своей жизни, в том числе и кровь, и раны – огнестрельные, ножевые, но с такими вещами она сталкивалась впервые.

– Она что же, со всем этим – Колосов запнулся, – кошмаром так и жила?

– Как видите, коллега, – профессор Басов кивнул, и ассистенты снова перевернули тело на спину. – Как видите... Заключение для вас полностью готово, можете получить его в ординаторской. Там все подробно отражено, так что здесь мы только коснулись отдельных, весьма красноречивых деталей... Если у вас ко мне больше нет вопросов, я с вашего разрешения приглашу сюда студентов.

Один из ассистентов открыл двери, и толпа медиков хлынула в аудиторию. Через пять минут занятия уже шли полным ходом. Колосов отправился на третий этаж в ординаторскую за результатами судебно-медицинского исследования. Катя ждала его на улице, у машины. Нервно крутила на своем безымянном пальце обручальное кольцо. Мысли как-то путались. Отчего-то очень ярко вдруг вспомнилось, как в детстве они в школе на переменах мазали ладони мелом и затем гонялись друг за другом, оставляя на спинах и на портфелях белые отпечатки, которые было трудно стирать. Катя видела перед собой отпечаток белой детской ладошки – пять пальцев в растопырку. Она попыталась представить себе, какой отпечаток оставили бы в этой игре руки Валерии Блохиной. И снова почувствовала внутри противный, колкий холодок.

ГЛАВА 7. НУЛЕВОЙ ПРИЧАЛ

С самого утра у Вадима Кравченко все шло совсем не так, как ему хотелось бы. То ли встал с левой ноги, то ли сон дурной пригрезился. С Катей жаждал поговорить, поделиться, а может, и пожаловаться, покапризничать, одним словом, открыть свой богатый внутренний мир жене – ан не тут-то было.

Катя снова опаздывала на работу. Чмокнула заспанного Кравченко в щеку: завтракай без меня, все на столе. Он только-только хотел проявить характер, осведомиться грозно: куда ты, жена моя? Что она, твоя работа, сквозь землю, что ли, провалится?! Но Катя уже хлопнула дверью – умчалась, бросив на ходу: «Вадичка, у нас небывалый случай в Октябрьском. Убийство. Просто не знаю, что и думать! Встретимся вечером, все расскажу».

Прошлым вечером она так ничего Кравченко и не рассказала ни о поездке в анатомический театр, ни о Валерии Блохиной. А он, Кравченко, так ничего и не рассказал ей о звонке Виктора Долгушина. Решил: чего зря языком молоть. Пока ведь неясно что к чему. Вот встретимся на этом «Крейсере Белугине», потолкуем, тогда уж.

Порой Кравченко задумывался – отчего это у них с Катей вот так иногда? Вроде жизнь одна, нераздельная, а бывают минуты и даже дни, и делится она, жизнь, распадается на две разные, отдельные половинки – его и ее. Но думал он об этом недолго. Ведь в конце концов все как-то снова налаживалось. Отдельные половинки опять накрепко срастались, и было их просто невозможно разъять.

И на этот раз после двух чашек кофе с молоком, омлета и четырех бутербродов Кравченко решил пока на все это, как говорится, забить. Опять ЧП у нее там какое-то на работе – ну и хрен с ним. Пусть Катя проявит женскую самостоятельность, пусть потешит свое неистребимое любопытство. Ведь он уж давно понял, что к ней, как к женщине, нужен совершенно особый подход. На других она не похожа. Может, поэтому, а точнее именно поэтому, он и выбрал ее из всех.

В десять Кравченко был уже на работе, в офисе своего работодателя Чугунова. Как обычно, в дни, когда босс отдыхал, в офисе царила безмятежная светлая скука. Все вроде при деле, работают, но...

Чугунов по жесткому настоянию супруги не держал в офисе ни молодых секретарш, ни даже молодых уборщиц. Среди сотрудниц преобладал возраст – за сорок пять. Мужья их почти все раньше служили с Чугуновым в Министерстве топлива и энергетики, а затем перешли работать в коммерческие структуры. Служба безопасности, которую возглавлял Кравченко, набиралась, естественно, по другим принципам. Чугунов имел немногочисленный штат телохранителей скорее из соображений престижа, чем по необходимости. И особо работой свою службу охраны не нагружал.

Короче, время на то, чтобы слегка подзаработать в отсутствии босса на стороне, у Кравченко было. И упускать подвернувшийся случай он не собирался.

Вскоре в офис прибыл Сергей Мещерский. Приятели покалякали, попили кофейку, и вот уже Ленинградское шоссе влекло их к речному вокзалу.

Мещерский был само нетерпение и любопытство. Все вспоминал, каким был Виктор Долгушин и его рок-крейсер в начале девяностых, когда толпы фанатов ломились на его концерты в Горбушку. Он поминутно сравнивал Долгушина то с Цоем, то с Бутусовым, то с Шевчуком. И тут же возражал себе – нет, в Долгушине всегда было что-то другое. Цой, Бутусов, Шевчук – поэты. И Алексей Жданович тоже поэт. А у «Крейсера Белугина» и его капитана в русском роке всегда был свой особый курс.

– Какой еще особый курс? – хмыкал Кравченко, крутя руль. – Чего ты, Серега, выдумываешь?

Мещерский улыбался меланхолично – он всегда считал себя знатоком русского рока, хотя часто путался в названиях групп и направлениях.

Они развернулись под мостом и по указателю свернули направо. Проехали тенистую аллею, миновали въезд на территорию грузового порта и опять по указателю повернули к нулевому причалу. День был серенький, самый осенний. Вода потемнела от дождей. Под ногами было уже полно желтой листвы. А вдоль всего нулевого причала стояли на приколе большие четырехпалубные теплоходы: «Виктор Коротков», «Максим Рыльский», «Александр Пушкин», «Николай Добролюбов».

Теплоходы выстроились в два ряда – бело-голубая флотилия. Сезон заканчивался. Сворачивалась московская речная кругосветка – до следующего лета, до солнечных дней.

Кравченко и Мещерский, оставив машину на стоянке, медленно шли вдоль причала. То, что Долгушин обитает на теплоходе, особо не удивляло: многие музыканты, многие группы арендуют на время летних гастролей теплоходы. И средство передвижения удобное, надежное, и гостиница сама собой вместе с багажом по воде плывет. Мещерский крутил головой:

– А хорошо здесь, дышится легко. А на том теплоходе, видно, туристов ждут – ресторан работает. Но «Крейсер»-то где?

Они дошли почти до самого конца причала. Дальше – речной простор, грузовые терминалы, стрелы портовых кранов в сером осеннем небе.

«Крейсер Белугин» лепился к боку огромного четырехпалубного теплохода «Александр Блок». Именно лепился – иначе и не скажешь. Это была низкая, двухпалубная посудина, напоминавшая скорее перестроенную баржу, чем теплоход. Борты были выкрашены в серый, мышиный цвет. Тут и там выше ватерлинии пестрели пятна ржавчины. Верхняя палуба и рубка, напротив, были выкрашены белым. Все это нагромождение белого на сером венчала черная труба.

К четырехпалубному гиганту кораблик крепко, словно пуповина, притягивали толстые канаты.

С «Крейсера» гостей заметили гораздо раньше, чем сами малость ошарашенные увиденным гости успели сообразить, что нашли на нулевом причале действительно то, что искали. С кормы их окликнул мужской голос:

– А, это вы к нам?

– К вам. Наверное, – не слишком уверенно ответил Кравченко.

Только ступив на трап, он разглядел окликнувшего их субъекта – это был не Долгушин. Он был выше Виктора Долгушина почти на целую голову, настоящий великан – веснушчатый коротко стриженный блондин в пестром скандинавском свитере. Под его снисходительным взглядом, подбадриваемые звуками долетавшего с палубы соседнего теплохода марша, они и поднялись на борт.

Кто плавал – тот знает: жизнь на воде совсем иная, чем на суше. Для Петра Сухого, которого все на «Крейсере Белугине» звали не иначе как Саныч, свой в доску парень, это было и открытием, и правилом номер один.

Саныч был в своей каюте на верхней – второй палубе. Каютка – узкая, как пенал: койка, столик, шкаф, вделанный в переборку. За перегородкой – санузел.

На палубе слышались громкие мужские голоса – на «Крейсер» прибыли гости. Их встречал Аристарх.

Господи боже, чтобы они все делали без Аристарха на этом корыте? Аристарх был бессменным капитаном «Крейсера» и техническим директором всей концессии. Именно он полтора года назад поставил эту посудину в ремонтный док и, насколько это было возможно,

довел ее до ума. Именно он уговорил Виктора Долгушина – своего старинного кореша еще по питерскому рок-клубу на улице Рубинштейна выкупить этот теплоход у его прежних владельцев и сделать его своим плавучим домом.

Аристарх взял на себя все. Набрал команду – кока, боцмана и троих безработных азербайджанцев, в оные времена работавших в рыболовецкой артели на Каспии, и строго следил, чтобы эти каспийские мореходы не зря получали жалованье. Он был прирожденным капитаном – этот Аристарх. И сейчас как капитан он сам, лично принимал у себя на борту гостей – двух каких-то чуваков, приехавших на подержанной иномарке.

Саныч не проявил по этому поводу никакого любопытства. Он был у себя в каюте. Сидел, обнаженный по пояс, на койке, скрестив ноги. Пытался сосредоточиться. Единственным украшением каюты был серый кусок холста над койкой, на котором черной тушью, стилизованно под иероглифы, были начертаны пять правил. Им Саныч старался следовать изо всех сил. Это были правила дзэн, и они Санычу были понятны.

ПРАВИЛО ПЕРВОЕ: Жизнь на воде, совсем иная, чем на суше.

ПРАВИЛО ВТОРОЕ: Не жалея о прошлом. Никогда.

ПРАВИЛО ТРЕТЬЕ: Ложась спать, засыпай, будто этот твой сон – последний.

ПРАВИЛО ЧЕТВЕРТОЕ: Утром зажигай благовония и медитируй.

ПРАВИЛО ПЯТОЕ: Следи за тем, что и кому говоришь. Всегда.

Сейчас за окном было не утро, а белый день, но это было неважно – Саныч пытался медитировать. И эти гогочущие за окном мужские голоса на палубе не должны были его отвлекать. Он закрыл глаза и сразу же мысленно постарался нащупать в наступившей тьме оранжевую точку. Это сердце, что бьется, пульсирует. Великий Созн, первый из первых учитель дзэн, говорил: «Мое сердце горит огнем, но глаза холодны, как остывшая зола».

За дверью каюты послышались осторожные шаги. Кто-то подошел и замер там, за дверью, в ожидании.

Оранжевая точка пульсировала, росла. Это солнце. Жаркое, южное солнце. Оно согреет меня на моем пути. Саныч глубоко вздохнул – вот так. Ноги мои по щиколотку утопают в теплой дорожной пыли. Я песчинка, я пилигрим. Странствуя среди чудных красот Кашмира к северу от Стринагара я набрел на старый монастырь в горах. Отсюда видны зеленые рисовые поля в долине, сады Шалимара, покрытые лотосами озера. С гор струятся потоки. Капли воды сверкают на лотосовых лепестках. Это ведь просто – сконцентрировать всего себя на лотосе. Лотосовая нить – тончайший оранжевый стержень проходит по позвоночнику. А тело, скованное медитацией, неподвижно, отгорожено пустотой, темнотой, обтянуто кожей, словно священный барабан...

Саныч вздрогнул: сердце забилося в груди. Да, тело – он так ясно видел его сейчас перед собой. Но это было не его тело, а совсем, совсем другое. Чужое.

Он открыл глаза. Испарина на лбу. Точно просыпаешься после тяжелого сна. И этот сон твой – страшный, самый последний.

Прислонившись спиной к двери каюты, перед ним стояла Варвара. Он не слышал, как она вошла. Он забыл запереться.

Говорят, женщина на корабле – не к добру. А на «Крейсере Белугине» было аж целых две женщины – Варвара и Лиля. Саныч в принципе не имел ничего против них. Лиля была няней пятилетней дочери Виктора Долгушина Маруси. Дочку Долгушин не отпускал от себя ни на шаг, возил с собой. Весь путь из Питера в Москву на теплоходе Маруся проделала вместе с ними. А рядом с ней всегда находилась Лиля. Она была ровесницей Саныча. Родители ее были музыканты, заимевшие дочь на заре бурной юности и жившие своей собственной кочевой, гастрольной жизнью. Лиля от них не зависела. Зарабатывала себе на жизнь по-разному. Училась, потом работала костюмершей, потом в паре рок-групп была бэк-вока-

листочкой. Случайно жизнь свела Лилию с ними. Виктор Долгушин оценил ее ровный спокойный характер, ее веселость, преданность, ее подспудную жажду материнства и взял няней к своей дочери. Лилия полюбила Марусю и во многом заменила ей мать.

Варвара же была другой. Но Саныч, твердо усвоивший главные правила дзэн, и против нее тоже ничего не имел. В том числе и здесь, на корабле.

– Все сидишь? – спросила она. – Заперся один, как сыч, и мозги сушишь. Просветлился, нет?

– Я не заперся. Ты же вошла. И без стука.

– Буду я еще со стуком к тебе входить. – Она убрала волосы со лба. Волосы у нее были чудесные – густые, темно-каштановые, до самого пояса. Она вечно ходила как русалка-ундина и только иногда собирала их на затылке в хвост.

Саныч иногда по ночам, когда вездесущий дзэн как-то притуплялся, думал о том, до каких высот может взлететь такой, например, человек, как он, если дерзко и властно запустит как-то однажды руку в эту густую ароматную Варькину гущу, притянет ее за волосы к себе и заставит... попросит у нее ... нет, заставит, заставит ее... Одним словом, изменит хоть как-то этот незыблемый, давно устоявшийся порядок на «Крейсере». Разрушит порядок. Или же все останется по-прежнему?

– Эти двое, которых Витька пригласил на сегодня, приехали, – сообщила Варвара, щуря свои зеленые русалочьи глаза. – Один здоровый шкаф, второй маленький – смешной такой. Они в кают-компании сидят. Не пойдешь туда?

– Я? Нет. Зачем?

– Ну так, – она плавно повела плечом, задрала майку и почесала загорелый живот. – Просто. Я так понимаю, Витя их все-таки нанимает. Будут у нас тут ошиваться.

– Они тут ошиваться не будут. – Саныч закрыл глаза. Ему хотелось снова туда, к зеленым рисовым полям, к лотосам, цветущим в теплой воде.

– Сейчас по MTV опять репортаж о «Нашествии» крутили, – Варвара и не думала уходить, села на койку рядом.

Ей было скучно. Долгушин, ее любовник, был занят в кают-компании, а ей хотелось потрепаться. Августовский фестиваль «Нашествие» в Эммаусе был еще совсем свеж в ее памяти. Она ездила туда встречаться с питерскими друзьями, ездила вопреки запрету Долгушина.

– Кусок с Кипеловым показали сейчас, потоп, когда дождь ливанул с градом. Мы как раз в баре в это время сидели... Потом кадры, когда «Наутилус» «Разлуку» пел. Эх, – Варвара гибко, как кошка, изогнулась. – Вот они все смогли. Собрались, выступили в золотом составе. Такой драйв был, Саныч, я ж была там, видела, слышала. Воскрешение после долгой спячки. А ведь там на сцене Витька мог стоять. Сто тысяч зрителей – ты подумай – сто тысяч! Неужели это не повод, чтобы попытаться? Стряхнуть с себя этот мрак, это оцепенение полнейшее? И ведь как его звали, как звали – так ведь нет, отказался, не поехал.

– Будет лето, будет пиво, будет рок, – Саныч усмехнулся, – Будет тебе еще нашествие.

– А если не будет? – спросила Варвара. – Что тогда? – она ткнула в сторону холщового плаката над койкой. – Если вообще ничего больше, дальше не будет? Если этот наш день – последний?

То, что тип в скандинавском свитере – капитан этой серо-белой плавучей калоши, Кравченко понял с первого взгляда. Есть такие речники, которые обладают таким апломбом, которому позавидовал бы и капитан авианосца «Петр Великий».

– День добрый. Быстро нас отыскиали? Рад знакомству – Аристарх Медведев, – представился капитан, железной хваткой пожимая им руки.

– Ничего себе кораблик, – Кравченко сразу же попытался поставить его на место. – Арендуете?

– Да нет, не арендуем.

Капитан Аристарх неторопливо, с еще большим апломбом изложил им яркую историю о том, как три года назад прогулочный теплоход «Стойкий», приписанный к рыбинскому речному порту, погибал, насквозь протараненный сухогрузом при выходе из шлюза. Было это аж на Северной Двине. Как ржавел теплоход, как ночами ушлая местная шпана растаскивала по болту его машинное отделение. И превратился бы «Стойкий» в груды металлолома, если бы не встретились в одном питерском баре на набережной Лейтенанта Шмидта он, Аристарх Медведев, которому к тому времени смерть как надоело перегонять частные яхты в Финляндию, в Эстонию и старый его друг Виктор Долгушин, которого помнит за его песни вся страна. Как за кружкой пива сошлись они на блестящей идее выкупить теплоход за бесценок, перестроить его и завести свой собственный экскурсионный бизнес. Так «Стойкий» обрел свою вторую жизнь под именем «Крейсера Белугина».

– Подлатали мы его. Машинное отделение заменили. Навигационное оборудование приобрели новое. Покрасили. Каюты, салон в порядок привели и вообще, – капитан Аристарх Медведев вел своих гостей от кормы к носу, – Виктору квартиру четырехкомнатную на Васильевском острове пришлось немцу какому-то продать. Хорошая была квартира, евро-ремонт... Но и теплоход вышел недурен, а?

– Недурен, – смущенно ответил Мещерский, поглядывая на стоявший рядом красавец «Александр Блок».

– Ну? А я что толкую? Теперь вот ходим помаленьку. В летний сезон я экскурсантов вожу Питер – Москва, Питер – Валаам. – Аристарх засек взгляд Мещерского. – За большой прибылью пока не гонимся. Но вложения, ремонт потихоньку окупаются.

– А сейчас что же, навигация закончилась? – спросил Кравченко. – Или у вас тут все же есть экскурсанты?

– Нет, это у нас частный рейс, для души. Виктор пожить на реке захотел. Отдохнуть.

Сзади послышался какой-то странный скрипучий звук. Кравченко обернулся и едва не свистнул от удивления: по палубе следом за ними важно вышагивал... павлин. Самый настоящий, живой павлин. Заметив, что на него смотрят, павлин остановился и начал кружиться, вытанцовывая на месте. И вдруг одним волшебным движением раскрыл свой изумрудно-золотистый хвост.

– Ой, развоображался-то как, Кукин. Это он перед вами красуется. – Аристарх махнул на павлина рукой: – Кыш, Кукин, пошел. Не вяжись тут.

Павлин издал свой протяжный скрипучий крик и, словно заслышав его, на верхней палубе что-то ожило, покатилося коломом. Вниз по трапу застучали маленькие быстрые шажки. Вслед раздался женский оклик: «Маруся, подожди, курточку!» И на палубу с трапа этаким горошиной выпрыгнула девочка лет пяти. Увидела павлина Кукина, увидела капитана Аристарха, двух незнакомцев и замерла. Но только на одну секунду. И вот уже тряхнула туго заплетенными косичками, заулыбалась.

Такой Кравченко и Мещерский впервые и увидели дочку Долгушина Марусю. Она подскочила, ткнула Кравченко пальцем в коленку и звонко спросила:

– Ты кто?

– Я? – Кравченко растерялся. С пятилетними живыми, как ртуть, любознательными детьми опыта общения он пока не имел. – Да я так, парень один.

– А ты кто? – спросила Маруся Мещерского.

– А я... дядя Сережа, – Мещерский кашлянул. Опыта не было и у него.

– Тоже мне дядя. Дядя это если старый, как боцман Матвейч, который сейчас в больнице печенку лечит, – выпалила Маруся скороговоркой и попыталась цапнуть павлина

Кукина за хвост. Но тот, видимо, имея опыт, ловко увернулся от ее ручонок, сложил свой радужный веер и совершенно куриной побегой засеменял на корму.

– Маруся, куртку надень, на палубе дует, – по трапу легко сбегала девушка лет двадцати пяти в джинсах и голубой фланелевой толстовке с капюшоном. Капитан Аристарх высказался просто: «А это вот наша Лиля».

У Лили была тоненькая мальчишеская фигурка и кроткая стрижка – русым ежиком. Она вежливо и сдержанно поздоровалась, не проявив ни к Кравченко, ни к Мещерскому ровно никакого интереса. У нее были красивые серые глаза – во взгляде читалась ясная приветливость и еще что-то менее безмятежное, но гораздо более глубоко скрытое.

Кравченко вспомнил, что уже видел эту Лилу раньше – тогда зимой у «Астории». Она была вместе с подругой и Долгушиным в джипе, помогала утихомиривать Алексея Ждановича. Своей зрительной памятью Кравченко всегда гордился, и с ходу решил, что раз эта самая девица и тогда зимой, и сейчас осенью сопровождает бывшую рок-знаменитость, то, стало быть, она – не кто иная, как любовница Виктора Долгушина. А то кто же еще?

Капитан Аристарх пригласил их наверх, на капитанский мостик. Похвалился новым навигационным оборудованием – полная автоматика тут и там, не баран, знаете ли, чихнул. И только после этого по узкому коридору повел их в кают-компанию.

Внутренность «Крейсера» произвела на Кравченко более приятное впечатление, чем серо-бело-ржавый внешний антураж. Все внутри было недорогое, но чистое и новое. Панели и переборки из светлого пластика «под дерево», бежевые ковровые покрытия. В коридоре, каютах и салоне было тепло – даже душно. Теплоход отапливался. Кают-компания была маленькой – круглый стол, черный кожаный диван, телевизор. На кресле лежала гитара. Это была единственная деталь, которая как-то выделялась на фоне скромной обстановки.

Виктор Долгушин сидел на диване у окна. Смотрел телевизор. Шли новости: репортаж о захвате автобуса с заложниками в Афинах.

– Не у нас и то ладно, – он выключил телевизор, сразу как они вошли, поднялся. – Здравствуйте, Вадим.

– Здравствуйте. Это вот Мещерский Сергей, напарник мой. Мы всегда вместе с ним работаем, – Кравченко представил приятеля. – Так проще с напарником-то.

– Проще? – Долгушин явно не знал, как отнестись к этому сообщению. – Ну, располагайтесь.

Кравченко опустился на диван. Стушевавшийся Мещерский хотел было примоститься тут же, рядом. Подвинул лежавшую на диване коричневую бархатную подушку. Она вдруг сама собой подпрыгнула и шмякнулась на пол. Из-под нее выскочил толстый рыжий котенок, мяукнул басом и шмыгнул в открытую дверь.

– Тут – кот, на палубе – павлин. Прямо зоопарк, – хмыкнул Кравченко.

– Есть еще два попугая, хамелеон. Был еще пудель, да на Валааме мы его потеряли. Слиял он от нас, за сучкой погнался, – сказал Долгушин. – Любовь-с, ничего не попишешь. Все это дочкино добро. С собой возим – оставить не на кого.

– У вас тут прямо плавбаза автономная и самодостаточная, – с завистью заметил Мещерский. – Всю жизнь мечтал вот так на реке пожить. По телевизору видел – Пьер Ришар по Сене на барже плывет. Тут тебе и спальня, и клозет, и ресторан французской кухни.

– У нас тоже кок неплохой, – откликнулся капитан Аристарх. – Говорит – в Баку в духане работал. Жаль вот только сидел, бедолага.

– Мы думали, у вас гастрольный тур, – сказал Кравченко. – Но...

– Да нет у меня никаких гастролей, – Долгушин покачал головой. – Так просто с ребятами отдыхаем. Если по правде, то на текущий момент это и есть мой дом. В Москве надоест, пойдем своим ходом на Волгу.

– Осень, сентябрь, скоро навигации кранты. Холода начнутся, заморозки, – заметил Кравченко. – На теплоходе-то дуба дашь.

– Ерунда, – возразил капитан Аристарх. – Лишь бы труба дымила, да отопление не накрылось. Навигация же встанет полностью только в середине ноября, после праздников.

– Отменили ноябрьские, – сообщил Мещерский.

– Да? Не слыхал. Ну, да нам-то, на воде какая разница.

– Там видно будет, что и как. В Питер вернемся, когда река встанет, только и всего, – улыбнулся Долгушин.

Во время этого диалога Кравченко исподволь, украдкой разглядывал его. Что ж, если время все на свете меняет, то и Виктора Долгушина оно сильно изменило. Ему было года сорок два, и выглядел он как раз на этот возраст. Он не располнел, не обрюзг, не приобрел безобразного пивного живота, не раздался вширь. Фигура его была стройной, поджарой. Но стройность эта, точнее худоба, как отметил наблюдательный Кравченко, не являлась следствием усиленных занятий в тренажерном зале. «Зашибает, видно, как следует – решил он про себя. – Эх!»

Он вспомнил, каким видел Долгушина в конце восьмидесятых на рок-концерте в Олимпийском. Все пацаны, все малолетки тогда тащились от «Крейсера Белугина», фанатично переписывали кассеты, менялись, бренчали на гитарах.

А Долгушин носил модную стрижку под Дитера Болена, красился перекисью в блондина, рисовал на щеках зигзаги черных молний. Выходил на сцену в потертой кожаной косухе в заклепках. И вслед за Цоем пел о том, что мы все, все, все, в том числе и девятиклассник Вадик Кравченко, ждем перемен.

И перемены случились. И самого Долгушина они явно коснулись. Он уже не красился в блондина – Кравченко видел перед собой шатена с проседью на висках. Аккуратная короткая стрижка, твердый подбородок, спокойный – внешне чересчур даже спокойный – ленивый взгляд. Но что скрывалось под пленкой этого спокойствия – Кравченко определить затруднялся. Что-то было там – это сразу почувствовало его сердце и тревожно екнуло. «А не послать ли всю эту бодягу, пока не поздно, подальше?» – пронеслось в голове.

– Так чем мы можем вам помочь, Виктор? – спросил он громко. Мысль насчет бодяги была слабостью. А слабость в себе Кравченко беспощадно давил в зародыше. – Что, какие-то проблемы в плане личной безопасности?

– Да, есть проблемы, – Долгушин прищурился, явно оценивая их с Мещерским – подойдут, годятся? – Но не у меня.

– У кого-то из ваших близких?

– Вадим, помните обстоятельства, при которых мы познакомились?

– Помню, – Кравченко улыбнулся. – Побузили малость, что с того?

Ему было странно слушать этот вежливый голос – давным-давно в конце восьмидесятых невозможно было даже представить, что к лидеру «Крейсера» когда-то станут обращаться строго на «вы». Он был свой в доску парень, парень из города Питера. Он играл рок. Пил прямо на сцене пиво из бутылки. Он говорил на их языке, его слова были понятны всем. Он был старше их, но это мало что значило. Он был свой, он был наш. На него хотелось походить как на старшего брата.

– Лешка Жданович – друг мой, человек он хороший. – Долгушин смотрел на Кравченко, словно догадывался, о чем тот думает. – Характер, правда, у него сложный. Порох – характер. Покоя ему не дает. Болеть душой заставляет, переживать, порой, из-за такого дерьма, что... Другой бы плюнул и растер, а Леха нет – испереживается и кинется очертя голову справедливость восстанавливать. Ну и получит – сколько раз уж получал, было.

– Он поэт, – не выдержал Мещерский. – Он сам-то, интересно, это понимает? То, что мы все травой порастем, а его песни, стихи его сто раз еще вспомнят. Извините, я не то хотел сказать...

Долгушин усмехнулся:

– Да ладно, чего уж там. Сергей вас зовут? Ладно, Сережа. Я вам так отвечу – пока достаточно того, что я это понимаю. Я Лехе товарищ. И хочу ему добра. Поэтому я к вам и обратился.

– Кто-то на Ждановича наехал по-крупному? – спросил Кравченко.

– Нет. Сам он может наехать – вот в чем фишка-то.

– На кого? – изумился Кравченко. – Он?

– Он. Через три дня в Москве дает свой сольный концерт Кирилл Боков. Рекламу, может, видели? Говорят, уже по всему Третьему кольцу на щитах висит, красуется бобик нескучный. – Долгушин помолчал. – У Лехи Ждановича с ним давняя история.

– Я на сайте читал, – встрял Мещерский. – Жданович какой-то питерской газете интервью дал. Говорит там корреспонденту, мол, «боковщина» хуже фашизма. Ну, конечно, Кира Боков не Паваротти и не Джастин Тимберлейк, но есть и хуже, много хуже. А у него тенор как-никак приличный. Песни, правда, насквозь попса, но он и на классику вон замахивается. То хип-хоп споет, приколется, а то вдруг арию Ленского отчебучит. В общем, хоть как-то оригинальничает. Не совсем уж отстой поет – тили-тили, трали-вали. А из-за чего они со Ждановичем конфликтуют?

– Я не знаю. Леха его не переваривает. До брезгливости, до дрожи, до отвращения. Бывает такое – полная несовместимость, – Долгушин поморщился. – Я этого не понимаю. По мне если даже перед тобой законченный урод – это только повод для новых открытий. Но у Лехи на все это иное мнение. В прошлый раз там, у «Астории», как говорится, все обошлось без последствий. Но... В общем, я точно знаю, здесь в Москве Жданович Бокову спокойно жить не даст. Во что все это выльется – не знаю, но хочу принять меры. На Бокова, честно говоря, мне наплевать. Да у него и охрана есть. А вот Леха... Значит, дело у меня к вам, ребята, такое, раз уж вы напарники. – Долгушин положил стиснутые кулаки на стол. – Вы профессионалы, работаете не первый год, да? Реакция вон у Вадима хорошая, как я убедился. Я хочу, чтобы вы любым доступным способом уберегли Леху от самого себя. Я хочу, чтобы вы сделали все возможное, чтобы он не попал к Бокову – ни в отель, ни в гримерную. Чтобы они опять не пересеклись – в ресторане ли, в баре. А если все же это произойдет, чтобы вы были с Лехой рядом и не позволили бы ему...

– Набить Бокову морду? – без обиняков брякнул Кравченко.

Долгушин помолчал.

– Он в очень уязвимом положении сейчас находится – Леха, – сказал он после паузы. – Вы даже представить себе не можете. Все сейчас стало по-другому. А впереди – сплошные перемены.

– Опять перемены? – спросил Мещерский. – Куда дальше-то?

– Есть куда, – Долгушин невесело усмехнулся. – В случае чего, если Леха сорвется, с ним разберутся сразу и по полной программе, без снисхождения. Будет что-то вроде показательной публичной экзекуции. У нас это любят. Припаяют срок за хулиганство, а то и вообще... Ну, это смотря какой он Бокову сюрприз преподнесет. Я всего этого не допущу. Поэтому и хочу с вашей помощью...

– А Жданович в курсе, что вы нас к нему стражами приставите? – спросил Кравченко. – Если он не захочет?

– Если не захочет... Ну тогда все равно будете сторожить – негласно. Но он сейчас в таком состоянии, что...

– Да пьет он. Пьет Алексей Макарыч наш, – шумно вздохнул капитан Аристарх. Они все как-то забыли про него, а он был тут, в кают-компании. – Я уж долбил, долбил ему – чего ты, дурень. Из-за такого-то дерьма организм свой гробить.

– Из-за какого дерьма? – не понял Мещерский.

Капитан Аристарх сделал неопределенный жест, а потом махнул ладонью – а, что там говорить!

– А где Жданович сейчас? – осведомился Кравченко. – В Питере, в Москве?

– С нами пришел, на теплоходе. Его каюта третья, – ответил Долгушин. – Вещи тут его все. В общем, тут он живет, с нами. Но сейчас его нет. Сына поехал проводить. Сын у него тут в Москве от первого брака. У жены – новая семья, муж бизнесмен. Леха там, в общем, пятая спица в колесе, но сына он видеть должен. Это ему сейчас – лучшее лекарство.

– Он еще того, Витя, не забудь им сказать, – вмешался капитан Аристарх. – Он в «России» номер снял.

– А где Боков будет давать концерт? – быстро спросил Кравченко.

– В концертном зале «Россия». – Долгушин посмотрел на Кравченко: – Ну что, ребята, беретесь помочь мне? Очень не хотелось бы каких-то тупиц, пофигистов нанимать со стороны. Сейчас ведь все всем до лампочки, даже если и деньги платят. А вы ребята умные. О поэтах вон загнули, значит – не все еще так безнадежно.

– Я помню концерт Ждановича в Лужниках в девяносто четвертом, зимой, – сказал Мещерский. – Я там был. И потом его по телевизору показывали. Почему сейчас его никогда не показывают? Почему вы совсем нигде не выступаете? Как же это можно вот так взять и бросить все, чем был «Крейсер»?

Долгушин скользнул по нему взглядом и ничего не ответил. Обратился к Кравченко:

– Оплата, как я и сказал, на ваших условиях.

Кравченко достал мобильник, включил калькулятор, подсчитал что-то – показал Долгушину.

– Скромные запросы, – хмыкнул тот.

– Это задаток. Остаток заплатите после выполнения работы. – Кравченко спрятал мобильник, по рассеянности выключив его, вместо того чтобы просто убрать калькулятор с дисплея. – Вы не знаете, что может случиться. Я тоже не знаю. Если же произойдет что-то непредвиденное, я сделаю свою работу, подсчитаю дополнительные затраты до копейки. Это уж – будьте уверены.

– Надо составить официальный трудовой договор? Найма или аккордных работ? – Долгушин иронизировал.

– На фиг бумаги. Мое слово, ваше слово, – Кравченко поднялся. – В девяностом у меня было двадцать штук ваших кассет – записи концертов в Питере, Челябине, Уфе, Реутове, Выборге. А БГ было две кассеты, «Кино» – пять. А «Наутилуса»...

– Раньше нас с «Наутилусом» часто сравнивали, и потом когда группа распалась. Я, когда молодой был, только начинал, воспринимал все это крайне болезненно. К Бутусову славу ревновал, психовал, злился, – Долгушин вскинул голову. – Неужели действительно нас нужно было сравнивать? Неужели все дело – в сравнении?

Мещерский чуть было не воскликнул в ответ: ну, конечно же! Но что-то подсказало ему – молчи, дурак. Есть моменты (например, сейчас), когда лучше воздержаться от сравнений.

– Ну вот, мужики, вы и в нашей команде, – гулко подытожил капитан Аристарх. – По такому случаю надо раздавить... Чего заморгали-то? Не тушуйтесь, хорошего французского вина бутылочку раздавить, да не одну. У нас все с собой, на борту, в магазин бежать не придется. Время-то самое обеденное. Сейчас склянки пробьют.

ГЛАВА 8. ВОЙСКО С ДЕРЕВЯННЫМИ МЕЧАМИ

На раскрытие убийства Валерии Блохиной Колосов бросил сразу несколько сотрудников. Оторвал с кровью, с мясом от других, не менее значимых дел, поручив каждому из них отдельный сектор отработки всех обстоятельств и фактов, выявленных первоначальными следственными действиями.

Утром он коротко доложил первые результаты начальнику управления розыска на совещании. И после совещания остался в кабинете у шефа, вызвав туда всех задействованных подчиненных.

Катя была бы крайне удивлена, если бы узнала о том, какие именно версии убийства обсуждались на этой узкой оперативке. Но о многом ей было суждено узнать гораздо позже.

В этот день Колосов Катю не видел и не звонил ей: некогда. Двое оперативников были срочно направлены им в Химки. Они должны были проверить все зарегистрированные и все действующие на территории района фирмы и товарищества с ограниченной ответственностью, сотрудницей которых теоретически могла оказаться Блохина. Проверялись все фирмы, оказывающие какие-либо услуги населению, публикующие объявления в газетах, имеющие сайты в Интернете, связанные с набором молодежи на работу. Один из оперативников был специально нацелен на рекламу – отслеживать все рекламные объявления самого широкого спектра с контактными телефонами, номера которых свидетельствовали бы о том, что офис фирмы, дающей эту рекламу, находится в Химках.

Проверялись выборочно и адреса, сдаваемых в районе квартир, – сотрудники отдела убийств предъявляли на опознание в ЖЭКах фотографию Блохиной.

Катя снова немало бы удивилась, узнав, куда и кому звонил Никита Колосов по поводу Октябрьско-Левобережного дела сразу же после оперативки у начальника управления розыска. Первый звонок по межгороду был сделан Колосовым в Белозерск – в местное УВД. Спустя некоторое время из Белозерского уголовного розыска был прислан подробный факс. Следом пришло и несколько дополнительных сообщений по электронной почте.

Ознакомившись с материалами, Колосов немедленно запросил данные из банка данных МВД России по пропавшим без вести и неопознанным трупам. Отслеживать эту информацию было поручено еще одному сотруднику, которого усадили за компьютер.

Сам Колосов дважды звонил в Санкт-Петербург коллегам в отдел убийств, а затем и в УВД, обслуживающее территорию дворцово-паркового комплекса в Петергофе. К обеду оттуда на имя Колосова пришли длинные обстоятельные факсы. По электронной почте были пересланы и фотоснимки. Изучив их, Колосов снова позвонил коллегам в Санкт-Петербург. И опять Катя, узнай она, о чем шла речь, весьма и весьма удивилась бы. А речь шла о привлечение к делу толковых специалистов по криптографии. Колосов записал несколько питерских телефонов и в свою очередь пообещал отыскать эксперта-криптографа в Москве.

К обеду пришла первая позитивная информация из Октябрьского-Левобережного, куда срочно были направлены еще двое оперативников. Они заново допросили украинских строителей, а так же их бригадира Богдана Пробейголова об обстоятельствах обнаружения трупа Блохиной. Допрошен был и водитель Мотовилов, доставивший гравий на стройплощадку.

Именно этот самый ЗИЛ с гравием интересовал сейчас Колосова больше всего остального. Кате он с самого начала честно признался, что с гравием этим – пока совершеннейшая путаница.

Хотя на первый взгляд, о какой путанице могла идти речь? Грузовик привез гравий на дачный участок, и вместе со всем содержимым кузова на землю вывалился и женский труп.

Следовательно, кто должен быть взят на подозрение в первую очередь? Конечно же, водитель ЗИЛа Мотовилов. Но Мотовилов, допрошенный самим Колосовым сразу по прибытии на место происшествия, и вторично сотрудниками отдела убийств, с завидным упорством повторял одну и ту же, казалось бы, совершенно неправдоподобную историю о том, что он вообще, совсем, категорически, бесповоротно и однозначно ничего не знает ни про труп Блохиной, ни тем более про то, каким образом этот труп оказался в кузове его машины.

На простой вопрос Колосова о том, где сам Мотовилов загружался гравием, шофер клялся и божился, что и это ему неведомо и неизвестно: «У меня напарник есть Пашка Тихонов. Он мне машину со смены оставил уже груженую. В отстойнике для большегрузов на Ленинградке она стояла, на двадцать шестом километре, – твердил, как заводной, Мотовилов. – У нас такой порядок в агентстве – если заказы утренние, срочные, то напарник с вечера, а то и с ночи загружается в свою смену. Я на работу заступил, машину принял уже с грузом. Путевой лист получил на доставку груза в Октябрьский-Левобережный. И все, и больше я не в курсах что, как. И нечего мне убийство этой бабы голой пришивать. Мало ли что могло произойти – ЗИЛ-то наш целую ночь на стоянке стоял. Там десять трупов в гравий схоронить можно, не то что один».

На взгляд Колосова, все эти басни сильно отдавали липой. По его поручению оперативники проверили стоянку большегрузов на двадцать шестом километре Ленинградского шоссе. Там было все в порядке с регистрацией, имелась и охрана. По записям в журнале было установлено, что некая фирма «Вокс-груз», которой и принадлежала автомашина ЗИЛ, в течение нескольких месяцев пользовалась услугами этого охраняемого отстойника для фур. Допрошенные охранники подтвердили, что довольно часто машины оставались на стоянке вместе с грузом. Это были в основном стройматериалы: кирпич, песок, гравий, щебенка, лес. Оперативники созвонились с представителями «Вокс-груза», однако на фирме по телефону никто никаких вразумительных объяснений не дал. Пришлось ехать в офис фирмы в Северное Бутово.

Колосов с нетерпением ждал результатов проверки. Удивительное было рядом: из восьми опрошенных милицией менеджеров «Вокс-груза», никто (никто!) не мог ответить на самый простой вопрос: где, когда и кем в грузовик ЗИЛ госномер такой-то, оставленный на охраняемой стоянке, был загружен гравий.

Проверены были путевые листы, и сразу кое-что прояснилось – отчетность в «Вокс-грузе» велась из рук вон плохо. Колосов не поленился связаться с московским УБЭПом и, что называется, натравил волков на овца, настаивая на полной проверке хозяйственно-финансовой деятельности автопредприятия.

Но все это, увы, пока никак не приближало главной цели, ради чего, собственно, и затевалась вся эта канитель с ревизией.

В конце концов, как это всегда и бывает, все уперлось в стрелочника. И стрелочником этим, очевидно, на роду было написано стать напарнику шофера Мотовилова – некому Пашке Тихонову.

«Да верите, я понятия не имею, чего эти двое Мотовилов с Тихоновым там нахимичили с этим гравием, – разорялся уличенный, но пока еще не совсем схваченный за руку, менеджер по перевозкам «Вокс-груза». – Они левак где-то хапнули на стороне. А мы что, за них – отвечаем, да?»

Вся эта неразбериха съела у Колосова почти половину оперативных суток: только к пяти часам вечера местонахождение Павла Тихонова было установлено. Искали его с фонарями по пяти адресам: дома у матери, у бывшей жены, у армейского кореша, у соседа, на дачно-садовом участке. А обнаружился он у любимой женщины в Ховрино.

Пять лет назад Тихонов уже судился за мелкое хулиганство и визиту милиции не обрадовался.

В Ховрино Колосов выехал сам. Квартирка, где они беседовали с Тихоновым, была тесной, обшарпанной. За окном – железная дорога, поезда грохочут, стекла в серванте аж трясутся. В соседней комнате спал трехлетний ребенок сожительницы Тихонова. В кухне на столе – недопитая бутылка водки, кислая капуста.

Тихонов – парень еще молодой и не сумевший полностью протрезветь даже к пяти часам вечера, поначалу никак не мог взять в толк, что, собственно, у него спрашивают. Машина? Наша с Мотовилычем машина? А что, ее угнали? Нет? Так Мотовилыч в аварию попал? Не попал? Так что ж вы от меня-то хотите?

То, что он даже пьяный темнит и придуряется, для Колосова было очевидно. А поэтому... Поэтому вся эта кухонно-коммунальная сага обрыдла ему уже через пять минут.

Он встал, сгреб расслабленного Тихонова за футболку, рывком приподнял со стула.

– Ну? – спросил. – Долго еще ты мне будешь врать?

– Да че я вру-то? Че я вру? – тощенький, как мумия, Тихонов барахтался, пытаясь вывернуться.

– Кто ЗИЛ гравием загружал и в отстойник на ночь ставил?

– Да каким гравием? В какой отстойник?

– Фирма твоя «Вокс-груз» от тебя открестилась, Тихонов, обеими руками. Менеджер ваш так мне прямо и сказал: Тихонов с Мотовиловым левак где-то на стороне взяли. А в леваке-то труп. Ты мозги свои напряги, давай, вдумайся – вы взяли левак, а в леваке – труп, – Колосов хорошенько встряхнул Тихонова. – Ну? Мотовилов машину из отстойника только утром забрал в восьмом часу. У него свидетели есть – охрана, дежурившая в то утро. ЗИЛ груженный был уже. И эти же свидетели в один голос показывают, что вечером накануне, а если быть совсем уж точным в 23. 20 этот самый ЗИЛ с гравием оставил на стоянке именно ты, Тихонов. Левак это был, настоящий левак. А в леваке – труп. И ты мне сейчас же скажешь, сволочь, где и когда ты загрузил этот самый левый гравий, который вы с Мотовиловым в обход своей фирмы решили загнать частнику на стройку в Октябрьском-Левобережном. А выручку прикарманить.

– Да не знаю я ничего! Какой левак?!

– Такой, с трупом-начинкой, – Колосов тряхнул Тихонова сильнее. – Знаешь, что Мотовилов скажет? Не знаю, скажет, ничего. Это Пашка Тихонов загружал. Может, он и убил, а труп в гравий сховал. Ему не привыкать – он же судимый.

– Да ты что, начальник? Ну, судимый я. Какой еще труп? Кого я там убил?!

– Тебе лучше знать кого. Ты же грузовик с гравием в отстойник загнал.

– Да Мотовилов с хохлами какими-то договорился! – заорал вконец измочаленный Тихонов. – Я-то при чем тут? Позвонил мне, сказал: все тип-топ, загрузишься с вечера, машину оставишь, как обычно. А я груз на стройку подкину. Там хохлы какому-то олигарху особняк строят на берегу канала. А там проехать-то всего ничего, крюк – пять километров. Я ему и говорю, я, Мотовилыч, сам могу груз вечером доставить. А он мне – не надо, Паша. Они спать залягут. Они ж, как известно, до обеда только это... запрыгают-то...

– Откуда до стройки крюк не большой? – жестко спросил Колосов, выудив единственный полезный факт из всей этой ахинеи. – Где ты гравием загружался? Место назови.

– Да на причале – где ж еще? – выпалил Тихонов, – Там в пяти километрах на канале причал грузовой. Там баржу пригнали с гравием, прямо с воды торгуют. Экскаватор работает, сутками грузит. Мне что? Я, что мне Мотовилыч велел, то я и сделал. Приехал вечером, под конец смены, заплатил экскаваторщику. Они ж без накладных там, без всего. Подогнал машину. Пока загружали, пошел ребят знакомых на причале провести. Ну и все. Набили полную коробочку, я и уехал. Говорю ж – я мог в ту же ночь прямо на стройку в Октябрьский закинуть груз. Но Мотовилыч меня к тем хохлам не допускает. У него там с бригадиром своя бухгалтерия.

– Поедешь сейчас с нами, – велел Колосов, – покажешь, где этот причал, где баржа, где экскаватор. Любимой женщине своей скажи, чтоб скоро не ждала тебя обратно.

– Да ну ее в болото, Надьку! – Тихонов скривился. – Это я так тут время провожу, просто. Она ж с довеском, на кой мне она такая нужна? Корми еще отродье ее.

Колосов разжал хватку, отпустив его замызганную футболку. Больше всего сейчас ему хотелось звездануть Тихонова по роже – за все вместе. За вранье, за труп в ЗИЛе, за махинации с гравием, на распутывание которых было потрачено столько драгоценного времени, за эту вот Надьку, с которой он спал, и ребенка которой не желал кормить, за хохлов, но...

Полировать рожу свидетелю, даже в чисто воспитательных целях, было противозаконно. И разве зуботычиной можно было исправить хоть что-то в мозгах Пашки Тихонова?

То, что в сыске строить далеко идущие планы, – дело в принципе безнадежное, Катя подозревала давно. Однако вообще без какого-то плана на авось работать тоже было невозможно.

План Кати был прост. В конце рабочего дня она решила сама съездить в Химки, чтобы посоветоваться там с участковым Иваном Захаровичем Кукушкиным. Кукушкин был местной достопримечательностью – работал он участковым вот уже тридцать первый год подряд, был шесть раз награжден министрами МВД именными часами, ценными подарками и оружием. Министры приходили и уходили как вешние воды, а участковый Кукушкин был вечен, как гранит. Он работал в течение своей долгой службы на разных участках, учил молодежь, Химки знал как облупленные, а в сопредельных районах и округах Москвы и области имел крепкие давние связи и собственных сметливых конфиденгов. По мнению Кати, сделавшей о Кукушкине для ведомственной и центральной прессы не один десяток очерков, Иван Захарович был полезнее целого отдела лоботрясов, имевших о работе в милиции лишь приблизительное мнение.

С Кукушкиным Катя хотела посоветоваться по поводу убийства Валерии Блохиной – Иван Захарович наверняка уже был в курсе ориентировок. Рассуждала Катя примерно так: такой необычный с физической точки зрения человек, как Блохина, если только она действительно жила и работала в Химках, городе небольшом, просто не могла не вызвать к себе волны любопытства, жалости, пересудов и всей остальной гаммы чувств, которую испытывают люди к тем, кто так резко от них отличается. Чувства эти порождают молву. А уж по части чуткой реакции на местную молву участковому Кукушкину не было равных. Если бы где-то в районе – в офисе ли, в магазине, в конторе – работала женщина с шестью пальцами на обеих руках, об этом уже втихомолку бы судачили. И слухи непременно докатились бы до участкового Кукушкина.

Катя невольно то и дело возвращалась мыслями к Блохиной. В памяти всплывала то тесная квартирка, где жили ее мать и тетка, то анатомический зал, где точно редкий экспонат им с Колосовым демонстрировали ее бедное, уродливое, истерзанное тело. То, что Валерия Блохина, прожив всю свою жизнь под знаком физического уродства и отчуждения, стала в довершение всего еще и жертвой какого-то осатанелого подонка, казалось Кате верхом несправедливости. Катя считала, что судьба и небеса должны были обойтись с несчастной женщиной, лишенной самого обычного женского счастья, более милосердно. Кто-то там, на небесах просто обязан был пожалеть ту, которая вечно носила специальные перчатки, прятала свои изуродованные руки от назойливых взглядов и никогда не раздевалась – ни на пляже, ни во врачебном кабинете на диспансеризации в поликлинике. Небеса должны были проявить свою милосердную волю и восстановить и в этой бедной душе гармонию и равновесие. А вышло так, что они – эти далекие, равнодушные небеса, звезды и планеты просто стерли одним махом, как плевок, свое же собственное уродливое шестипалое создание.

Катя жалела Блохину. После посещения анатомического театра ее убийство стало не просто материалом для публикации, которое можно бойко описать в трех столбцах, скинуть в газету и потом забыть. Катя всем своим существом жаждала справедливости. Она хотела добиться, во что бы то ни стало, чтобы человек, так надругавшийся над несчастной и без того наказанной судьбой, был пойман. Она хотела суда над убийцей. И она искренне считала, что уже начинает понимать некоторые обстоятельства случившегося.

Но она заблуждалась. Все обернулось совершенно неожиданной стороной. Настолько неожиданной и странной, что ей вновь пришлось задуматься о справедливости судьбы, равновесии и гармонии.

Началось же все с того, что, явившись в Химки к пяти часам вечера, она застала в местном розыске двух знакомых оперативников из отдела убийств. Они с самого утра занимались проверкой фирм, работавших с молодежным контингентом. Оба опера собирались ночевать в кабинете, на столах – такой был завал работы.

В дежурной части Катю огорошили неприятной новостью: участковый Кукушкин до семи вечера ведет прием населения в опорном пункте и будет в отделе лишь к разводу дежурных патрулей. Катя решила не ехать в опорный пункт, где у Кукушкина и без нее хватало забот, а подождать его в отделе. А пока убить время тем, что порасспрашивать колосовских орлов – есть ли хоть какие-то сдвиги?

Один из оперативников дал ей взглянуть на длинный список местных фирм и ТОО. Блохина могла работать где угодно. В фирме «Селена», например, дающей броскую рекламу в Интернете и газетах по поводу подбора персонала «от 18 до 28 лет для работы официантками, барменами и менеджерами в кафе и ресторанах столичной сети торговых центров и мега-холдингов». Могла она трудиться и в некой фирме «Клеоданс», объявлявшей самый широкий набор «девушек и юношей привлекательной внешности» на курсы промышленного дизайна и компьютерной графики.

В длинном списке значились так же фирмы, занимавшиеся преподаванием танцев, карате-до, фэн-шуй, актерского мастерства, набиравшие молодежь на курсы японского и корейского языка, каллиграфии, пластики, предлагавшие «высокооплачиваемую работу за рубежом», приглашающие «молодых, энергичных из провинции» на работу прислужкой в обеспеченные семьи с проживанием и без такового – и так далее и так далее.

Два с половиной часа непрерывных телефонных переговоров с менеджерами и операторами – Катя, чтобы скрасить ожидание, начала помогать оперативникам обзванивать фирмы – слились в какой-то нескончаемый абсурдный диалог, в котором то и дело в разных вариациях повторялись одни и те же вопросы и ответы: «У вас работала Валерия Борисовна Блохина?» – «Нет у нас такой сотрудницы», «В штатах не числится», «Спрошу у начальника – нет, не значится», «Никогда о такой не слышали».

Это был тот самый нудный, самый изматывающий, самый неблагодарный оперативный поиск, который так не любят показывать в сериалах «про ментов», но который, увы, сжирает, как акула, львиную долю времени, нервов и сил. Вся эта бесконечная рутина в служебных документах обычно обозначается краткой фразой «в ходе оперативной проверки». А тянется эта проверка дни, недели, а порой и месяцы. И очень часто, несмотря на все титанические усилия, не дает никаких результатов.

К половине восьмого Катя почувствовала, что она или закричит или разобьет телефон об стену. Она малодушно ретировалась в дежурную часть, решив, что Кукушкин – это последняя надежда. Но Кукушкин задерживался!

– Когда же будет Иван Захарович? – теребила Катя дежурного.

– Так прием граждан же. Смотря сколько жалобщиков придет. Не выгонишь же и домой не отправишь. Иван Захарович такой привычки не имеет, чтоб народ по сто раз гонять, – участковый изъяснялся как дипломат. – Иного и турнуть бы в шею не мешало – не ходи, от

дела по пустякам не отрывай. А Захарыч нет... Да вы не волнуйтесь, к ночному разводу он уж непременно будет.

– К ночному разводу? – Катино настроение резко упало.

К восьми отдел опустел, усиления не было, развод прошел. Катя из кабинета в розыске с тоской смотрела, как разворачиваются на улице Гоголя, где располагалось УВД, милицеские машины.

В половине девятого Катя позвонила домой, но телефон в квартире не отвечал. «Драгоценного В.А.» где-то носило. Катя чувствовала себя усталой и злой. Все ее простые планы рушились, вечер пропадал впустую. Она хотела было уже бросить все – вряд ли и Кукушкин будет рад ей после затянувшегося приема граждан. Как вдруг ее внимание привлёк громкий шум в дежурной части.

Слышались резкие женские голоса – кто-то хохотал, кто-то посылал кого-то далеко и надолго, кто-то орал благим матом: «Чулоч мне, сволочь, разорвал итальянский!»

Первые патрули выехали на Ленинградское шоссе, собрали чохом и доставили в дежурную часть первый улов – вышедших на ночной промысел проституток. Процедура была самая обычная. Катя не раз уже делала репортажи о таких рейдах.

Но вопли в дежурке звучали так дерзко, так злобно и так весело, что равнодушной к такому концерту трудно было остаться.

Задержанных Катя насчитала двенадцать человек: десять девиц и двух жеманных размалеванных парней, одетых в мини-юбки, сетчатые чулки и дорогие жакеты из вязаной норки.

Для Ленинградского шоссе паренки были чем-то новеньким. Они горланили громче всех сиплыми сюсюкающими голосами.

– Ну надо ж, новый чулок порвали, паскуды! – вторила им что есть мочи смуглая девица в кожаных шортах и атласном алом бомбере, под которым не было ничего, кроме черного корсета. – Куда я такая разорва теперь? Скажут еще – под забором валялась!

Черный чулок на острой коленке девицы действительно зиял дырой.

– Версаче чулки, стоят больше, чем вся ваша зарплата заразная! По суду мне ущерб вернешь, все до бакса! – орала девица молодому сержанту с дубинкой.

Сержант ткнул дубинкой в сторону скамьи – сядь и заткнись.

– Житья никакого от гадов нет, – девица плюхнулась на скамью, покосилась на стоявшую рядом Катю: – Ну, чего пялишься?

– Черт, жалко, такая классная вещь была, – Катя кивнула на дыру.

– Это я в их паразитской машине за какой-то крюк зацепилась, – девица плюнула. – А ты чего тут? Тоже зацапали?

– Да нет, я участкового жду.

– Это ночью-то? Зачем? – Черные глаза девицы царапнули Катю. – Стучишь, что ли, на кого?

– Насчет знакомой одной спросить надо. Знакомую у меня убили.

– Убили? Кто?

– Ха, знать бы кто, – Катя села рядом с проституткой на скамейку. Она и сама не знала, для чего затеяла этот разговор.

– Ну, менты тебе скажут. Жди, надейся, – девица снова сплюнула. – Подруга что ль, твоя?

– Да нет. Не подруга. Просто я думала – с работой она мне поможет. Объявления она в газетах через фирму давала насчет работы. Ну, я через нее устроиться хотела, – Катя импровизировала на ходу, – а ее убили. Она у меня паспорт забрала.

– Паспорт забрала? – Девица прищурилась: – Да ты куда устроиться-то хотела?

– Я? – Катя вздохнула: – Да мне в принципе все равно. Эта, которую убили, обещала с три короба – выезд за рубеж, расчеты в евро... Ну, я что-то засомневалась. Понимаешь, баба она какая-то того, чудная...

– С тараканами, что ли? – девица спрашивала лениво. – Сигаретки нет?

– Не курю, прости. Резинка жевательная вот, вкус арбуза. Хочешь?

– Давай. Я вообще жрать хочу. Думала – возьму сейчас какого-нибудь чувака, махнем в Шереметьево сначала в ресторан, – девица помассировала живот под курткой. – Паразиты ментовские, вся работа с ними коту под хвост...

– Тебя как зовут? – спросила Катя.

– Меня Камилла. А тебя?

– Катерина. Так вот, усомнилась я в предложении, а паспорт все же отдала.

– Зря. Теперь фиг возьмешь. А чего ты усомнилась-то?

– Да говорю же, баба эта, что со мной говорила, – чудная. Такая теплынь, а у нее перчатки на руках кожаные, – Катя рассказывала байки. Вроде бы зачем, к чему? Что ей эта девка с разорванным чулком? – Я на перчатки посмотрела, так меня прямо в жар бросило. Перчатки – мамочка родная – такие, что...

– Что? – неожиданно резко спросила девица Камилла.

– На шестипалую руку перчаточки сшиты, вот что, – Катя повертела перед Камиллой растопыренную ладонь. – Ты себе представляешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.